

*Святитель ИГНАТИЙ,
епископ Кавказский и Черноморский*

СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор данного труда — епископ Игнатий (Брянчанинов) (1807—1867), известный русский подвижник и духовный писатель XIX века. Его сочинения, изданные еще при жизни святителя и переизданные в 5 томах в 1886 году, привлекают внимание глубоким знанием Священного Писания и творений святых отцов Православной Церкви, творчески переработанных и осмысленных применительно к духовным запросам современности. Написанные им к незаурядным литературным мастерством, произведения святителя представляют собой ценное пособие для всех желающих проходить узкий и тернистый путь опытного богопознания. Данное сочинение — «Слово о человеке» — не вошло в 5-томное издание и вообще до сего времени оставалось неизвестным. Оно принадлежит к числу немногих творений святителя, имеющих философско-догматический характер и излагающих вероучительные истины в систематическом порядке. Этот труд епископа Игнатия можно назвать очерком по христианской антропологии.

Епископ Игнатий излагает учение о человеке на основании Предания Православной Церкви — Священного Писания и творений святых отцов. Все неправославные и тем более нерелигиозные концепции человека им просто не рассматриваются — они отнесены им к «измышлениям падшего человеческого разума». Впрочем, находясь в русле святоотеческой традиции, его антропология имеет свои особенности. Святителя интересуют в первую очередь пути исцеления души человеческой от греха, вопросы пастырской практики и аскетики. Вот почему из святых отцов по данной теме ему наиболее близки святой Иоанн Златоуст, преподобные Макарий Великий и Исаак Сирий. Основополагающая идея учения о человеке епископом Игнатием взята у святого апостола Павла. Человек — это храм. Его назначение — освящение, наполненность Святым Духом. Иначе этот «словесный» храм становится жилищем сил зла — демонов. Третьего не дано. Столь же резко святитель разграничивает две линии развития мировой истории. Первую определяют те, кто стремится к Небу и земную жизнь считает временем покаяния, а самую землю — лишь временным пристанищем, страной изгнания из рая. Вторую линию составляют те, кто, забыв о покаянии и возвращении к Небу, нацелен на устроение земной жизни, на упечение состояния грехопадения, приводящее в конце концов к полному подчинению «князю века сего» — диаволу.

Содержание «Слова о человеке» строится по обычному плану. Вначале — введение, затем — о творении мира и человека, о пребывании в раю, грехопадении и последующей земной жизни человечества. Далее начинается 2-я часть — о пришествии в мир Христа, и здесь рукопись обрывается. Из этого можно предположить, что свой труд святитель писал незадолго до смерти (30 апреля 1867 года).

Многие идеи «Слова о человеке» — об аде и рае, о познании добра и зла, об относительной бестелесности человеческой души — встречаются и в других произведениях епископа Игнатия, в таких, как «Слово о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу», «Об образе и подобии Божию в человеке» (Аскетические опыты, т. 2), «Слово о смерти» (Аскетические опыты, т. 3). Более того, в самом «Слове о человеке» автор ссылается на эти свои произведения, что также позволяет отнести его к последним годам жизни святителя.

Очень жаль, что труд епископа Игнатия остался незавершенным и не рассмотрены, в частности, вопросы учения о человеке, связанные с христологией и сотериологией. Тем не менее и в таком виде «Слово о человеке» представляет несомненный интерес и вполне может послужить к назиданию и духовной пользе всех, стремящихся «спастися и в разум истины принти» (1 Тим. 2, 4).

Текст данного творения сохранился в семейном архиве Флоренских. Вероятно, он предлагался для публикации в «Богословском вестнике», редактором которого был священник Павел Флоренский в 1912—1917 гг. Текст предоставлен игуменом Андроником (Трубачевым). Текст подготовлен к печати иеромонахом Исаией (Беловым).

**Иеромонах Исаия,
Троице-Сергиева Лавра**

Аще быхом себе разсуждали,
не быхом осуждени были
(1 Кор. 11, 31)

ВВЕДЕНИЕ

Из монастырского уединения смотрю на видимое нами великолепное и обширное мироздание — поражаюсь недоумением и удивлением. Повсюду вижу непостижимое! Повсюду вижу проявление Ума, столько превышающего мой ум, что я, созерцая бесчисленные произведения Его в необъятной картине мира, вместе не могу понять окончательно ни одного произведения Его, ни одного действия Его. Мне дана возможность созерцать только ту часть творения, которая доступна моим чувствам; мне дана возможность осязательно убедиться в существовании вещества, доступного для чувств моих по его свойствам, недоступного для меня по ограниченности моей¹; мне дана возможность заключать со всею достоверностию по веществу, подверженному моим чувствам и исследованию, о существовании вещества, недоступного для меня по тонкости его; мне дано узнать, что природа управляется обширнейшим, премудрым законодательством, что законодательство это одинаково объемлет и громаднейшие и самонаименьшие творения. Ничто из существующего не изъято из подчинения законам. Мне дано узнать, узнать лишь отчасти и поверхностно, малейшую часть законов природы, чтоб из этого познания, составляющего плод тысячелетних усилий и славу ума человеческого, я заключил положительно о существовании Ума неограниченного, всемогущего (Рим. 1, 20). Возвещает Его, громко проповедует природа. Во мне естественно существует понятие о Боге: понятие это не может быть не запечатлено неомрачимым сознанием, которое почерпает душу из рассматривания природы чистым оком. Непостижима она для меня! Тем непостижимее делается она, чем я более ввожусь в постижение ее! Должна быть она непостижимою, будучи произведением непостижимого Бога! Непостижимо для меня раскинут широкий свод небес, утверждены на своих местах и в своих путях огромные светила небесные: столько же непостижимо произрастает из земли травинка, небрежно попираемая ногами. Она тянет из земли нужные для себя соки, разлагает их, образует из них свойственные себе качество, вкус, запах, цвет, плод; возле нее другой стебелек, из той же земли, из таких же соков, вырабатывает принадлежности совсем иные, следуя отдельным, своим законам, и часто возле вкуснейшей ягоды или благовоннейшего цветка произрастает злак, налитанный смертоносным ядом.

Среди предметов необъятного мироздания вижу и себя — человека. Кто я? Откуда и для чего являюсь на земле? Какая вообще цель моего существования? Какая причина и цель моей земной жизни, этого странствования, краткого в сравнении с вечностью, продолжительного и утомительного в отношении к самому себе? Являюсь в бытие бессознательно, без всякого со стороны моей согласия; увожусь из этой жизни против моей воли, в час неопределенный, непредугаданный. Являюсь и увожусь, как невольник. Более! Являюсь и увожусь, как творение. Живу на земле, не зная будущего. Мне неизвестно, что сделается со мною чрез день, чрез несколько минут. Постоянно встречаюсь с неожиданным. Постоянно нахожусь под влиянием обстоятельств и обстановки, которые порабащают меня себе. Одна привычка, одна проводимая безрассудно жизнь мирит с таким странным положением. Не может оно укрыться от наблюдателя. Что

делается со мною, когда я, пробыв на земле срочное время, исчезаю с лица ее, исчезаю в неизвестность, подобно всем прочим человекам. Способ отшествия моего из земной жизни страшен: он именуется смертью. С понятием о смерти соединено понятие о прекращении существования; но во мне живет убеждение невольное, естественное, что я — бессмертен. Чувствую себя бессмертным: постоянно действую из этого чувства. Умиравшие при сохранении сознания говорят и действуют, как отходящие и переселяющиеся, отнюдь не как уничтожающиеся. Человек — тайна для самого себя.

Неужели эта тайна запечатлена окончательно и нет никакого средства раскрыть ее? Да! Запечатлел ее для человека грех, запечатлело ее для него падение его. Человек лишен истинного самовоззрения и самопознания. Доколе я пребываю в падении моем, доколе тайна — человек — пребывает для меня неразъяснимою: извращенный, пораженный слепотою и ложью разум мой недостаточен для раскрытия ее. Не понимаю души моей, не понимаю тела моего; понятия, которые думаю иметь о них, оказываются, при рассмотрении не поверхностном и нелегкомысленном, очень недостаточными, по большей части ошибочными. Блуждают во мраке самообольщения и заблуждения мудрецы мира, возмечтавшие и произнесшие о человеке учение произвольное и суетное, заменяя истину предположениями; в ту же пропасть самообольщения и заблуждения влекутся слепцы, руководимые слепцами. Тайна — человек — отверзается в степени, доступной и нужной для нас, вочеловечившимся Богом, Господом нашим Иисусом Христом. *«В Немже суть вся сокровища премудрости и разум сокровенна»* (Кол. 2, 3). Приобретаемое при посредстве Божественного откровения познание о человеке все еще остается относительным: относительным к ограниченности постижения нашего, относительным к существенной нужде нашей в познании. Бог дарует нам самовоззрение и самопознание, необходимые для покаяния, для спасения, или, что то же, для вечного блаженства нашего; но основная причина создания человека, существенное условие бытия его, самое существо его ведомы единому Богу. Действия неограниченного Творца не могут быть объяснены со всею точностию тварям, хотя и разумным, ни постигнуты ими. Полное и совершенное познание всех тварей имеет один Творец их, Бог. Это познание отличается от познания, свойственного и возможного нам, различием бесконечным.

Озаряемые светом Слова Божия, светящего нам из Священного Писания и из писаний Святых Отцов, мы предлагаем здесь учение Святого Духа о человеке, предлагаем сообразно скудости способностей наших, особливо же сообразно скудости духовного преуспевания нашего. Все, что изрек о сем предмете лжеименный разум падшего человека и бесовский, горделиво и исключительно признающий себя и здоровым и просвещенным, мы оставляем без всякого внимания. Поступая так, мы последуем завещанию Духа, завещавшего христианству чрез посредство апостола: *«Блудитесь, да никтоже вас будет прельщая философиєю и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе»*².

Определение человека

Что такое — человек? На этот вопрос отвечает человекам апостол: *«Вы есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожу, и буду им Бог, и тии будут Мне людие»* (2 Кор. 6, 16). Священное Писа-

ние называет всякого вообще человека домом, обителью, сосудом. Тот человек, который не захочет быть домом Божиим, сосудом Божественной благодати, соделывается домом и сосудом греха и сатаны. *«Егда нечистый дух, — сказал Спаситель, — изыдет от человека, преходит сквозе безводная места, ища покоя, и не обретает. Тогда речет: возвращуся в дом мой, отнюдуже изыдох: и пришед обрящет празден, пометен и украшен. Тогда идет и поймет с собою семь иных духов лютейших себе, и вшедше живут ту: и будут последняя человеку тому горша первых»*³. Человек не может не быть тем, чем он создан: он не может не быть домом, не быть жилищем, не быть сосудом. Не дано ему пребывать единственно с самим собою, вне общения: это ему неестественно. Он может быть с самим собою только при посредстве Божественной благодати, в присутствии ее, при действии ее: без нее он делается чуждым самому себе и подчиняется невольно преобладанию падших духов за произвольное устранение из себя благодати, за попрание цели Творца. Апостол, благоговейно созерцая свободу, которую Бог предоставил человекам преуспевать как в добре, так и во зле во время всей земной жизни, говорит: *«Яко камене живо зиждителя в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови Иисус Христом. В велищем дому мира не точию сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни и ови убо в честь, ови же не в честь. Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце»* (1 Пет. 2, 5; 2 Тим. 2, 20. 21). Дана свобода, но воля Божия пребывает неизменною: *«Сия есть воля Божия — святость ваша, хранити себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы, не ведущии Бога. Не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отменяя, не человека отменяет, но Бога, давшего Духа Своего Святаго в нас»* (1 Сол. 4, 3—8). Соделывается человек сосудом и жилищем Божиим посредством христианства; устраивается и украшается жилище действием Святого Духа: *вы созидаетесь, — говорит апостол, — в жилище Божие Духом* (Еф. 2, 22). Вожделенно для человека удовлетворение Божественной цели! Вожделенно для человека достижение достоинства, предоставленного ему Богом! Достоинство это при сотворении человека было даром Божиим; потерянное падением, оно по искуплении опять соделалось даром Божиим. *«Преклоняю колена моя, — пишет святой Павел к Ефесеям, — ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце, вселиться Христу верою в сердца ваша»* (Еф. 3, 14. 16. 17). Достоинство даровано и законоположено Богом: отвержение достоинства влечет за собою вечную погибель. *«Будите во Мне и Аз в вас, — сказал Спаситель всем ученикам Своим — христианам. — Якоже розга не может плода сотворити о себе (сама собою), аще не будет на лозе: тако и вы аще во мне не пребудете. Аз есмь лоза, вы же рождие, и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет, и собирают ю, и во огонь влагают, и сгарает»* (Ин. 15, 4—6). *«Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его и к нему приидем, и обитель у него сотворим»* (Ин. 14, 23). Соделались храмами Божества все избранныки Божии, как говорит о себе святой апостол Павел: *«Живет во мне Христос»* (Гал. 2, 20). Неудовлетворивших Божественному назначению он называет не тем, чем они должны быть. *«Или не знаете себе, — говорит он, — яко Иисус Христос*

в вас есть? Разве точно чим неискусни есте», то есть (по русскому переводу) *«разве только вы не то, чем должны быть»* (2 Кор. 13, 5). За неудовлетворение человеком назначению своему апостол возвещает ему вечное бедствие. *«Не весте ли, — говорит он, — яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог»* отступлением от Него, преданием собственному состоянию падения, общению с падшими духами и последствию их — погребению на веки во адской огненной бездне. *«Храм Божий свят есть, иже есте вы, то есть храм Божий свят, а этот храм — вы»* (1 Кор. 3, 16, 17). Не только души, но и *«тела ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть, егоже имате от Бога, получив в себя при таинстве крещения, и несте свои: куплени бо есте ценою крови Богочеловека. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия»* (1 Кор. 6, 19, 20). Основываясь на этих свидетельствах Святого Духа, определяем человека так: «Человек есть Богозданный храм Божества по душе и телу».

Предлагаем возлюбленным братьям, инокам и всем вообще подвижникам христианства, желающим подвизаться правильно, законно, соответственно воле Божией, предлагаем обратить должное внимание на сделанное нами определение человека! Указание и объяснение правильного подвига составляет цель нашего убогого Слова. Плод правильного, предначертанного Святым Духом подвига — обновление подвижника Божественною благодатию и водворение Христа с Его Отцом и Духом в Его храме — человеке. «Тех, которые не ощущают вселения Христова, — сказал некоторый великий Отец, — Священное Писание именует неискусными, то есть не знающими опытно христианства»⁴. К правильному подвигу, как к существенно необходимому, приглашает Апостол служителя Христова: *«злопостражди, — говорит он, — яко добр воин Иисус Христов. Аще и подвизается кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися»* (2 Тим. 2, 3, 5).

Естественно, что учение Священного Писания о человеке возвещается и проповедуется единогласно Отцами Православной Церкви. «Мы дом Божий по слову пророческому, Евангельскому и Апостольскому», — сказал преподобный Марк Подвижник⁵. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Благодать Святого Духа соделывает нас самих, если мы проводим благочестивую жизнь, храмами Божиими, и мы получаем способность молиться на всяком месте. Не таково у нас богослужение, каковым было оно некогда у иудеев, сопряженное с значительною наружною обстановкою, нуждавшееся в многих обрядах. Там намеревавшемуся принести молитву должно было придти ко храму, купить горлицу, иметь в руках дрова и огонь, пригласив жреца, приступить к алтарю, сверх того, исполнить много других постановлений: здесь ничего нет такого; где бы ты ни был, приуготовлен тебе и алтарь, и жрец, и жертва. Ты сам и алтарь, и священник, и приношение»⁶. *«Вы есте церкви Бога жива»* (2 Кор. 6, 16). Этот дом укрась, извергни всякое греховное помышление, чтоб соделаться драгоценным членом Христа, чтоб соделаться храмом Духа⁷. *«Основания инаго никтоже может положить паче лежащаго, еже есть Иисус Христос»* (1 Кор. 3, 11), *«о Немже всяко создание составляемо»* (т. е. зиждется всякое здание) (Еф. 2, 21). Самое дело, будучи рассмотрено со вниманием и точною, показывает, что основание инако положено быть не может, как трезвенным и правильным жительством. *«Здание растет, — говорит Апостол, — в церковь святую о Господе — часто повторяет он это — в святой храм, в жилище Божие Духом»* (Еф. 2, 22). Что это за здание? Храм, предназна-

чаемый в обитель для Бога. «Каждый из вас есть храм, и все вообще составляет храм, в котором живет Бог, как в теле Христовом, как в духовном храме»⁸. Учение святого Иоанна Златоустого читаем и в возвышенных словах святого Исаака Сирского. Епископ Ниневии и отшельник в пустынях Месопотамии, а потом Египта (Исаак) уясняет это учение из опытов святого подвижничества. «Дерзая утверждать, — говорит Исаак, последуя святому Павлу, — что мы — храм Божий. Очистим храм Его, потому что Он чист, чтоб Он возжелал вселиться в него. Освятим его, потому что и Он свят. Украсим его всеми делами благими и благолепными. Покадим его кадилом — упокоением Бога исполнением воли Его, чистою и сердечною молитвою, которой невозможно стяжать при частом общении с миром участием в действиях его»⁹. Тогда осенит душу облак славы Божией, и свет величия Его воссияет внутри сердца¹⁰. Небо — внутри тебя, если будешь чист: в самом себе увидишь ангелов со светом их, и Владыку их с ними и внутри их. Сокровище смиренномудрого внутри его: оно — Господь¹¹. Храм благодати тот, кто растворен с Богом и пребывает в попечении о суде Его. Что значит пребывать в попечении о суде Его? Не что иное, как непрестанно изыскивать все средства к упокоению Его¹², непрестанно скорбеть и печалиться по причине немощи естества нашего, непускающей нам достигнуть совершенства, непрестанно заботиться о том, чтоб постоянно содержать в душе своей непрерывающуюся память Божию¹³, как сказал блаженный Василий. Сосредоточенная молитва, чуждая развлечения, соделывает в душе волю Божию явственною. В этом заключается вселение Бога в человека, когда Бог, постоянным памятованием Его, напечатлется (водрузится) в человеке¹⁴. Святому Исааку был предложен вопрос: «В чем заключается совокупность всех частных подвигов жительства, то есть безмолвия, чтоб по ней подвижник мог уразуметь, что он достиг совершенства в жительстве?» Великий Отец дал вопросу следующее решение, которое можно было дать только из глубокой подвижнической опытности: «Когда безмолвник достигнет постоянного пребывания в молитве. Достигший этого достиг высшей грани всех добродетелей и отселе соделался жилищем Святого Духа. Если кто с достоверностию¹⁵ не принял в себе благодати Утешителя: тот не может свободно пребывать таким образом в молитве. Дух, говорит Писание (Рим. 8, 26), когда вселится в кого из человеков, не престаёт от молитвы: потому что Сам Дух непрестанно молится. Тогда молитва не пресекается в душе ни во время сна, ни во время бодрствования; но ест ли человек или пьет, или что другое делает, даже во время глубокого сна, благоухания и пары молитвы этой без труда источаются из его сердца. Тогда молитва не отлучается от подвижника, но постоянно пребывает в нем и с ним: если она и умолкает по наружности на краткое время, то тайно она же служит в нем»¹⁶.

Преподобный Макарий Великий очень часто в глубоких беседах своих к совершенным христианам обращается к объяснению назначения, данного человеку Творцом. Он постоянно выражается о человеке, как об обители, храме, сосуде, Престоле Божества. «Благоизволил небесный Отец обитать во всяком, верующем в Него и просящем у Него (Ин. 14, 21. 24). Так восхотело беспредельное милосердие Отца! Так угодно непостижимой любви Христовой! Таково благоволение неизглаголанной Божией благодати¹⁷. Внутренний человек есть некое живое существо, имеющее свой образ и вид: внутренний человек есть подобие внешнего человека. Это — превосходнейший и драгоценнейший сосуд, потому что Бог благоволил о нем более, не-

жели о всех тварях¹⁸. Престол Божества есть ум наш, и, наоборот, престол ума есть Божество и Дух. Подобно этому, по преступлении заповеди Адамом, на его сердце, ум и тело, как на свой престол, воссели сатана, начала и силы тьмы. Для разрушения их царства пришел Господь, приняв плоть от Девы, и низложил духов злобы, восседающих в теле, с престолов их: с разума и помышлений, в которых они обитали. Господь очистил совесть, соделал Своим Престолом разум, помышление и тело¹⁹. Естество наше может быть в общении с демонами и лукавыми духами, равно как и в общении с ангелами и Святым Духом, бывает храмом сатаны и храмом Святого Духа. Итак, рассматривайте, братия, совесть вашу: с кем вы находитесь в общении, с ангелами ли или с демонами? Чей вы храм и жилище, Божие ли или диавольское? Каким сокровищем наполнено сердце ваше, благодатным ли или сатанинским? Как дом, оскверненный зловонием и нечистотами, должно, во-первых, окончательно очистить, потом украсить и наполнить всяким благовонием и сокровищами: так должно нам очистить и сердце, чтоб вместо сатаны пришел Дух Святой и почил в душах христианских²⁰. Души, ищущие естеству своему странника, то есть освящение Святого Духа, прилепляются всею любовью своею ко Господу, в Нем живут, в Нем молятся, к Нему устремляют все помышления свои, презирая все прочие блага мира. За это они устаиваются приять елей Божией благодати. После этого они могут проводить жизнь свою беспреткновенно, во всем вполне благоугождая духовному Жениху. Но души, пребывающие в одном собственном естестве, пресмыкающиеся помышлениями своими по земле, занятые попечениями единственно о земном, разум их живет в стране дольней. Сверх того — что хуже всего — обольщенные самомнением и упорные в нем, они признают себя, будучи украшены плотскими правдами²¹, истинными невестами небесного Жениха. По самой же вещи их невозможно признать рожденными Свыше, как непривывших елей радости²². Дом, в котором не живет господин его, находится в темноте, нечистоте и запустении, наполняется сором и смрадом: так и душа, в которой не обитает Господь с ангелами, наполняется греховным мраком, скверными и унижительными страстями. Горе пути, по которому никто не ходит, на котором не слышится человеческого голоса! Такой путь соделывается притоном зверей. Горе душе, в которой не ходит Господь и не прогоняет из нее Своим гласом зверей — духов злобы! Горе дому, когда не обитает в нем владелец его! Горе земле, когда нет земледельца, который бы возделывал ее! Горе кораблю, не имеющему кормчего! Он сокрушится и погибнет от морских волн и бури! Горе душе, не имеющей в себе истинного кормчего Христа! Находясь в горестном и мрачном море, обуреваемая волнами страстей и духами злобы, бедствуя как бы от тяжелой непогоды, наконец, она подвергается гибели! Горе душе, если она не имеет в себе рачительно возделывающего ее Христа, чтоб она могла приносить благие плоды Духа! Будучи оставлена, она порастает терниями и волчцами и, наконец, подвергается потреблению огнем. Горе душе, если она не имеет обитающим в себе Господа своего Христа! Будучи оставлена, она наполняется смрадом страстей и соделывается жилищем пороков»²³.

Мироздание

Сообразно определению, данному нами человеку, мы намереваемся изобразить по силам нашим чудное зодчество этого словесного храма Божия; мы намереваемся начертать духовную и нравственную историю его от

создания до кончины мира: и человек сам собою, и история его представляет фактическое убеждение, что единственно то назначение, которое указывается человеку Словом Божиим, а не иное, свойственно ему.

Человек сотворен Богом. Сотворением человека Творец заключил мироздание, то есть сотворение миров, видимого и невидимого. Он, прежде нежели приступил к созиданию окончательной твари, в которой восхотел сочетать миры видимый с невидимым, приуготовил для этой твари жилище — землю. Извлекал Он все из ничтожества единым словом; творил Он из преждесотворенных тварей твари новые единым словом. Для совершенного в премудрости Зиждителя труд размышления или обдумывания был излишен; для всемогущего Зиждителя труд созидания был излишен: все являлось по Его мысли, по Его слову. Его мысль есть Его слово, и Его слово есть мысль Его. *«Той рече, и быша: Той повеле, и создашася»* (Пс. 148, 5). На глас Божий явились небо, земля, светила небесные, отделились от земли воды в свои хранилища, потом земля покрылась произрастениями, населилась различными животными. Земля, созданная, украшенная, благословенная Богом, не имела никаких недостатков. Она была преисполнена изящества. *«Виде Бог, по совершении всего мироздания, вся елика сотвори: и се добра зело»* (Быт. 1, 31). Ныне взорам нашим представляется земля совсем в ином виде. Мы не знаем ее состояния в святой девственности; мы знаем ее в состоянии растления и проклятия, знаем ее, уже обреченную на сожжение²⁴; создана была она для вечности. Боговдохновенный Бытописатель говорит, что земля, в первоначальном состоянии своем, не нуждалась в возделывании (Быт. 2, 5): сама производила преизобильно и превосходного достоинства хлебные и другие питательные травы, овощи и плоды. Никаких вредных произрастений не было на ней; растения не были подвержены ни тлению, ни болезням; и тление, и болезни, и самые плевелы явились после изменения земли вслед за падением человека, как должно заключать из слов Бога изгоняемому из рая Адаму: *«Терния и волчцы возрастит тебе»* земля (Быт. 3, 18). По сотворении на ней было одно прекрасное, одно благотворное, было одно приспособленное к бессмертной и блаженной жизни ее жителей. Перемены погоды не существовало: постоянно была она одинаковою — самую ясною и благорастворенною. Дождей не было: источник исходил из земли, и напаявал лицо ее (Быт. 2, 5, 6). Звери и прочие животные пребывали в совершенном согласии между собою, питаясь произрастениями (Быт. 1, 30). Гнев Творца изменил землю. *«Проклята земля в делах твоих»* (Быт. 3, 17), — сказал Он человеку, поправшему заповедь Его: и отъятие благословения у земли выразилось немедленно разнообразным всеобщим расстройством ее, предвещающим сожжение ее, содействующим это сожжение как бы естественною необходимостью. Пало на землю проклятие, и засвистели ветры, забушевали бури, засверкала молния, возгремел гром, явились дожди, снега, грады, наводнения, землетрясение. Животные утратили повиновение и любовь к человеку, утратившему повиновение и любовь к Богу. Они вступили в враждебные отношения к нему. Одних он покоряет себе сильно и содержит в повиновении насильно; с другими он — в вражде и войне непримиримой и убийственной. Весьма-весьма немногие породы остались с приверженностью к нему, как бы грустный памятник и образец прежней всеобщей любви; большинство удалилось и укрылось от него в дремучие леса, в обширные степи, в ущелия гор и темные пещеры. Дикие и неприязненные взоры кидают они на прежнего обладателя своего, когда неожиданно встретятся с ним. Они как бы видят в нем преступника, врага Божия: одни быстро бегут от него, другие с остервене-

нием кидаются на него, чтоб растерзать его. В неприязненные отношения вступили животные и между собою: оставив пищу, сначала для них предназначенную, ощутив изменение в самом естестве своем, которое приобщилось проклятию, поразившему землю, они восстали друг на друга, начали пожирать друг друга. Смерть, которой обречены были наши праотцы за грех свой, смерть, которую они ощутили и в душе и в теле по отступлении Божественной благодати, но которой явного последствия еще не ведали, они увидели и уведали на животных. Первые убийства совершены были без сомнения зверями, потом человек начал закалать животных для жертвоприношения (Быт. 4, 4); наконец, явилась смерть между людьми от убийства, совершенного братом-злодеем над братом-праведником (Быт. 4, 8). До греха не было в мире смерти. Смерть возшла в мир грехом (Рим. 5, 12), быстро объяла, заразила, неисцельно повредила мир. Разрушение мира соделалось необходимостью: разрушение его есть естественное последствие его смертного недуга. Сгорит земля в последний день этого ветхого, изветшавшего мира; попадают светила небесные с мест своих, как бы с смоковницы плоды ее, сшибаемые ветром; самое небо свияется, как одежда, и исчезнет (2 Пет. 3, 10; Апок. 6, 14). Малые черты первоначального состояния земли, сохраненные для нас книгою Бытия, показывают, какое огромное, какое горестное, непостижимое для нас изменение совершилось над землею по падении человека.

Мы упомянули выше о мирах видимом и невидимом²⁵. Это понятие — *относительное*. Оно образовалось в нас из состояния падения, в котором мы находимся, в котором называть очень естественно видимую нами часть создания Божия миром видимым, а невидимую — миром невидимым. В сущности этого разграничения нет²⁶. К невидимому миру мы причисляем ангелов и ту часть вселенной, которая служит жильем для них. Бытописатель ничего не говорит о сотворении ангелов, но из Священного Писания видно, что они сотворены прежде видимого мира. Описание мироздания заключается единственно в описании сотворения видимого мира, который мы также называем миром вещественным. Это название — опять *относительно*; в описании мироздания говорится о предметах вещественного мира, находящихся вне земли, только по отношению их к земле и человеку. Дух Святой поведает нам о мироздании столько, сколько требует того существенная наша нужда, а не столько, сколько желало бы любопытство кичащегося разума, злоупотребляющего познаниями. Так, поведается о светилах небесных, что они сотворены с целью освещать землю, и да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета, и да будут в просвещение на тверди небесной, яко светити по земли (Быт. 1, 14.15). Слово Божие доставляет познания, необходимые для жительства богоугодного — жительства богоугодное содействует человеку обителью Святого Духа, Который и научает своеобразно, не по стихиям мира, словесный сосуд Свой высокому учению Божественной истины, невыносимому и несвойственному для разума плотского и душевного (Ин. 16, 12.13; 1 Кор. 2, 13.14). Мироздание совершилось в шесть дней; завершилось оно сотворением человека.

Сотворение человека

Бог сотворил человека по «образу» и «подобию» Своему. Под словом «образ» должно понимать, что самое существо человека есть снимок (портрет) с Существа Божия; а «подобием» выражается сходство в самых

оттенках образа или его качествах. Очевидно, что образ и подобие, сопряженные вместе, составляют полноту схождения; напротив того, утратой или искажением подобия нарушается все достоинство образа. Бог сотворил человека по образу и подобию Своему: следовательно, сотворил его совершенным образом Своим. Человек был отпечатком Божества не только по существу своему, но и по нравственным качествам — по премудрости, по благодати, по святой чистоте, по постоянству в добре. Зло или недостаток не могли иметь никакого места в человеке: несмотря на свою ограниченность, он был совершен; несмотря на свою ограниченность, он имел полноту схождения с Богом. Полнота схождения необходима была для того, чтоб человек удовлетворял своему назначению — назначению быть храмом всесовершенного Бога. Ум человека долженствовал быть Умом Божиим (1 Кор. 2, 16), слово его должно было быть Словом Божиим (1 Кор. 7, 12; 2 Кор. 13, 3), дух его должен был соединен с Духом Божиим (1 Кор. 6, 17), его качества должны были Богоподобными (Мф. 5, 48). Вселение Бога в человека есть вместе и теснейшее соединение Бога с человеком; человек-тварь содевается причастником Божественного естества (2 Пет. 1, 4)! Человек, достигший такого состояния, называется богом по благодати! К такому состоянию призваны все мы Творцом при сотворении, в прародителях наших, как возвестил сам Творец: *«Аз рех: бози есте»* (Пс. 81, 6). В таком состоянии находился наш праотец немедленно по сотворении его, так что слова, сказанные им о жене, Спаситель мира прямо назвал Словами Божиими (Быт. 2, 24; Мф. 19, 4, 5).

Священное Писание представляет Бога совещавающимся с Самим Собою пред сотворением человека. *«Сотворим человека, — произнесло непостижимым образом Непостижимое Божество, — по образу Нашему и по подобию: и да обладает рыбами морскими и птицами небесными, и зверми и скотами, и всею землею, и всеми гады, пресмыкающимися по земли»* (Быт. 1, 26). В этих словах, предшествовавших сотворению дивного образа Божия, открывается и свойство Самого Первообраза — Бога, открывается Троичность Лиц Его. Совещание Божественное, предшествовавшее созданию человека-мужа, предшествовало и созданию человека-жены. *«И рече, — говорит Писание, — Господь Бог: не добро быти человеку единому: сотворим ему помощника по нему»* (Быт. 2, 18). Жена, подобно мужу, создана по образу и подобию Божию; создание ее, как и создание мужа: почтено совещанием, в котором проявляются Три Лица Единого Божества и произносятся величественное *«сотворим»*, изображающее единую волю и одинаковое достоинство Лиц Всесвятой Троицы, действующих нераздельно и неслитно. Троичность Лиц Божества при единстве Божественного Существа отпечаталась и на образе Божиим — человеке — с поразительной ясностью. Представителем человечества, его деятелем поставлен муж: по этой причине Священное Писание упоминает о нем одном при взятии человека в рай и при изгнании человека из рая (Быт. 2, 15; 3, 22. 23. 24), хотя ясно видно из того же Писания, что в том и другом обстоятельстве участвовала и жена. Она вполне участвует в достоинстве человека и в достоинстве образа Божия: *«Сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их»* (Быт. 1, 27).

Тело и душа

Действие Творца при сотворении человека-мужа Священное Писание изображает так: *«Созда Бог человека, персть возьмет от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу»* (Быт. 2, 7).

Этот образ сотворения человека показывает в нем превосходнейшее и ближайшее к Богу творение. Человек производится не однократным действием, как произведены были прочие твари, но образуется и создается постепенно. Творец мира для сотворения земли, неба, громадных светил, бесчисленных растений и животных употреблял единое свое Слово; Творец человека представляется сперва глаголющим в Самом Себе, потом действующим; сперва образующим тело, потом вдыхающим в лицо человека дыхание жизни. По самому сотворению достоинство тела человеческого несравненно выше всех прочих тел, а душа несравненно выше всех душ животных, душ, которые произвела из себя земля по повелению Творца (Быт. 1, 24). Но первое начало человека — персть. Мысль об этом начале должна служить для нас неисчерпаемым источником смирения! Душа от первого видимого действия, свидетельствующего о присутствии ее в человеке, названа *«дыханием жизни»*; самое вдохновение ее отнесено к лицу человека, как к той части тела, которая одна по преимуществу служит зеркалом души, выражая на себе характер ее движений и ощущений. Весь человек наименован *«живою душою»*, потому что, по соединении души с телом, он сделался единым существом, состоящим из души и тела, но существом, в котором полное преобладание имеет душа²⁷. Тело — дом души, ее одеяние, ее орудие. Так именуют его и Священное Писание, и Святые Отцы. Два верховные Апостола называли его своею хижиною (2 Пет. 1, 13. 14 по русскому переводу. 2 Кор. 5, 1. 2. 3. 4 по русскому переводу). Тело есть одежда и вместе орудие души. «Душа окружается и одевается членами тела», — сказал преподобный Макарий Великий²⁸. «Душа, — говорит святой Иоанн Дамаскин, — действует посредством органического тела, сообщает ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения». «Она употребляет тело орудием»²⁹. Такое понятие об отношениях души к телу есть естественное: оно истекает из постоянных опытов жизни, из самого ощущения нашего.

Язычники полагали, что человеческая душа составляет частицу Божества. Мысль ложная и очень опасная, как заключающая в себе богохульство! Мы сочли нужным остановиться на ней, чтоб охранить от нее наших братьев: потому что многие члены современного общества, узнав из Книги Бытия, что *«Бог вдунул в лице человека дыхание жизни»*, опрометчиво заключают из этого о божественности души человеческой по самому ее сотворению, следовательно, по ее естеству. Священное Писание прямо свидетельствует, что человек — вполне создание Божие (Быт. 1, 27; Мф. 19, 4). *«Руце Твои сотвористе мя, и создасте мя»* (Пс. 118, 73), — молитвенно вопиет это разумное создание Творцу своему, по внушению Святого Духа, Единого могущего открыть человеку его начало и образ этого начала. Конечно, этот молитвенный вопль — вопль души, ходатайствующей о себе и о теле своем, — отнюдь не вопль одного тела. Православная Восточная Церковь постоянно признавала человека существом, созданным по душе и телу, но способным и по душе и по телу быть причастником Божественного Естества, быть богом по благодати. Преподобный Макарий Великий говорит: «О неизреченного благоутробия Божия, яко туне Самого Себя дает верующим, дабы они в малое время Бога получили себе в наследие и Бог вселился бы в тело человека и его соделал Себе благим жилищем! Якоже бо Бог небо и землю создал, для обитания на них человеку, тако тело и душу человеческую создал в жилище Себе, дабы жити и упокоеватися в теле, яко в Своем доме, с прекрасною невестою, сиречь, с возлюбленною душою, по образу Его созданного». *«Обручих бо*

вас (2 Корр. 11, 2), — глаголет Апостол, — *Единому Мужу деу чисту представити Хрестови*». И паки: «Егоже дом есмы» (Евр. 3, 6). Якоже бо муж в дому своем со всяким тщанием вся благая сокровиществуе: тако и Господь в дом Свой, сиречь, в душу и тело, собирает и влагает небесное духовное богатство. Ниже премудрии премудростию своею, ниже разумии разумом своим возмогли поняти тонкость души, или сказать, каким образом она существует, кроме тех, которым через Духа Святаго открыто постижение и точное души познание. Но ты здесь размысли, разсуди и внемли, и слыши, что она есть. Той есть Бог, а она не Бог; Той Господь, а она раба; Он Творец, а сия тварь; Той Создатель, а она создание: нет никакого подобия между естеством Того и сея. Но Бог по безпредельной, неизреченной, непостижимой любви и благоутробию Своему благоволил сие самое создание умное, драгоценное и изрядное избрати Себе жилище, якоже Писание глаголет: «*Во ежи быти нам в начаток некий созданием Его*» (Иак. 1, 18), в премудрость сиречь, и сообщение Его, в собственное Его жилище, и в чистую невесту³⁰. Святой Иоанн Дамаскин, писатель VIII века, в книге своей «Точное Изложение Православной Веры» собрал мнения предшествовавших ему знаменитейших святых отцов о предметах Христианского Богословия, почему, приводя здесь его учение о душе, приводим вместе и учение святого Григория Богослова, Афанасия Великого, Василия Великого, Максима Исповедника и других величайших учителей Церкви. «Бог, — говорит святой Иоанн, — сотворил природу, созерцаемую умом, то есть Ангелов и все небесные чины, которых естество, без сомнения, разумно и бесплотно, то есть бесплотно в сравнении с грубым веществом. Ибо одно только Божество в собственном смысле невещественно и бестелесно. Еще Бог сотворил и чувственную природу, то есть небо, землю и все, что между ними. И первую природу сотворил Он близкою к Себе, — ибо разумная и одним умом постигаемая природа близка к Богу; а другую, как подлежащую чувствам, сотворил по всем отношениям весьма далекою от Себя. Но надлежало явиться существу, смешанному из сих двух природ, которое показывало бы большую премудрость и щедроту Творца к той и другой, и, как говорит Богоглаголивый Григорий, было как бы некоторым союзом природы видимой с невидимою. Здесь под словом *надлежало* я разумею волю Зиждителя: ибо она для Бога есть устав и закон самый приличный... Так из видимого и невидимого естества Бог Своими руками сотворил человека по образу Своему и подобию; из земли Он образовал тело, а душу, разумом и умом одаренную, сообщил человеку Своим вдуновением... Тело и душа созданы вместе... Бог сотворил человека непорочным, правым, любящим добро, чуждым печали и забот, сияющим всеми совершенствами, преизобилующим всеми благами, как бы некий второй мир — в великом малый, как другого Ангела, поклоняющегося Богу; сотворил смешанным из двух природ, созерцателем твари видимой, таинником твари, умом постигаемой, царем всего, что на земле, подчиненным Верховному Царю, земным и небесным, временным и бессмертным, видимым и постижимым для одного ума, как нечто среднее между великим и низким; — сотворил духом и вместе плотию, духом для принятия благодати, плотию в предупреждение гордости, — духом для того, чтоб он твердо стоял и прославлял своего Благодетеля, — плотию для того, чтоб подвергался страданиям, и, страдая, не забывал себя и вразумлялся, если бы вздумал превозноситься своим величием; сотворил животным, поставленным здесь, то есть, в настоящей жизни, и переселяемым в другое место, то есть, в будущую вечную

жизнь, и — что составляет верх тайны — существом, обожаемым за свое прилепление к Богу, и обожаемым по причастию Божественного озарения, а не претворяемым в Божию Сущность»³¹.

Повторением дуновения вочеловечившимся Богом при воссоздании человека объясняется дуновение Божие при сотворении души человеческой. Господь наш, Иисус Христос, совершив наше искупление и предуготовляя³² человечество к принятию Святого Духа, стал посреди учеников Своих по воскресении Своем, *«дунул»* и сказал им: *«Пришлите Дух Свят»* (Ин. 20, 22), который вскоре и низшел на них при шуме с неба, как бы от несущегося сильного дыхания ветра (Деян. 2, 2). Этим вторым дуновением объясняется и указывается, что и при первом дуновении было сошествие Святого Духа. На душу первозданного при самом сотворении ее обильно излилась Божественная Благодать; душа первозданного по преимуществу была живою, как движимая, просвещаемая и управляемая Святым Духом. Это доказывают с убедительностью самые события, последовавшие за созданием первого человека. Святой Макарий Великий говорит: *«Как в Пророках действовал Дух и научал их и был внутри их, и вне их являлся: так и в разсуждении Адама»³³*, егда хотел, с ним был и научал его... Вся ему было Слово, и доколе пребывал храняй заповедь, друг был Богу»³⁴.

Для сотворения жены Бог навел иступление на Адама. Он уснул. Во время этого необыкновенного сна Господь взял одно из ребр его, и, сотворив жену из ребра, привел ее к Адаму. Несмотря на то, что взятие ребра совершилось во время странного сна и иступления, Адам немедленно узнал, по внушению обитавшего в нем Святого Духа, происхождение жены своей. *«Се ныне, — сказал он, — кость от костей моих, и плоть от плоти моя: сия наречется жена, яко от мужа своего взята бысть сия. Сего ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину»* (Быт. 2, 21—24). В этих словах Адама произнесен закон от лица Божия для супружеской жизни человеков, как засвидетельствовал Сам Богочеловек. Во взятии жены от мужа видим образец бесстрастного размножения рода человеческого до его падения. Взята жена из ребра Адамова: в это время Адам не подвергся никакому ощущению, нарушающему непорочность; напротив того, он находился в иступлении, которое наведено было на него Богом. В такое состояние приходят только благодатные человеки. Мы не видим образца, по которому могли бы объяснить размножение рода человеческого до его падения от мужа и жены, размножения, назначенного прежде падения; но наверно утверждаем, что это размножение должно было совершаться во всей полноте непорочности и бесстрастия. Вместо наслаждения плотского, скотоподобного должно было быть наслаждение святое, духовное. Самого же образа, как неоткрытого Богом, и не испытываем, веруя, что для Бога как легко было попустить известный способ, так легко было установить и другой способ. Здесь употреблено о настоящем способе размножения слово: *попустить*. Да! Этот способ есть попушение Божие, есть горестное следствие нашего падения, есть знак отвращения Божия от нас. Мы уже рождаемся убитые грехом: *«в беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя»* (Пс. 50, 7). Зачатия в беззакониях и рождения во грехах не может быть установителем Бог.

Господь привел пред Адама всех зверей и скотов земных, всех птиц небесных: человек, проникая по действию Святого Духа в свойства каждого животного, нарек им имена (Быт. 2, 19). Святой Макарий Великий говорит: *«Доколе Слово Божие было с ним (Адамом) и (он) хранил заповедь,*

все имел. Самое бо Слово было ему наследием, было одеждою и славою, его покрывающею, и было ему наставлением. Дана бо ему была власть нарекать вся; сие нарек он небом, другое солнцем; сие луною, другое землею; сие птицею, другое зверем и иное древом. Как он был сам научаем, тако и имена налагал тварям... (Дух) научал его и повелевал: тако нареки, тако назови»³⁵. Трудно в нашем состоянии падения получить ясное понятие о состоянии совершенства, в котором были созданы наши праотцы, по душе и телу. О святом теле и святой душе их невозможно нам заключать по нашим душе и телу, пораженным и убитым греховною смертью. Они начали существовать непорочными и святыми; мы начинаем существовать оскверненными и грешными. Они были бессмертны по душе и телу; мы рождаемся умерщвленные душою, с семенем смерти в теле, долженствующим раньше или позже, но непременно принести плод свой — видимую нами смерть тела. Они находились в непрестанном мире сами с собою, со всем, что их окружало, в непрестанном духовном наслаждении, в созерцании изящества мироздания, в богомыслии, в боговидении; мы волнуемся и раздираемся различными греховными страстями, потрясающими и терзающими и душу и тело, непрестанно боремся сами с собою и со всем, что нас окружает, страдаем и мучимся или находим наслаждение в наслаждениях скотов и зверей; все вокруг нас находится в ужаснейшем смущении, в неумолкающем и по большей части в суетном труде, в плинфodelании и рабстве Фараоновом. Одним словом, мы падшие и погибшие от самого рождения нашего, они были святы и блаженны с самого сотворения своего. Все условия нашего существования и первоначального существования наших праотцев — далеко, далеко различны.

Силы души

Тело первого человека было в совершенном согласии с душою, а душа находилась в совершенном согласии с духом, то есть с силою словества — этим высшим достоинством души человеческой. Борьба между составными частями человека — это обнаружение внутри живущей смерти — борьба, ныне непрерывающаяся и не дающая покоя человеку ни днем, ни ночью, тогда не имела места. Дух пребывал постоянно горé, при Боге; увлекал туда с собою душу; она влекла туда с собою тело. Нетрудно и естественно было телу, неспособному не только к наслаждениям греховным, но и плотским, напротив того, способному единственно к наслаждениям духовным, силою врожденного ему желания и стремления пребывать при Боге, Им питаться и наслаждаться, Им жить. Очень ошибаются, ошибаются в погибель свою те, которые признают плотские пожелания неотъемлемыми свойствами тела человеческого, а удовлетворение их естественною необходимостью. Нет! Человеческое тело низошло к телам скотов и зверей по причине грехопадения. Естественны плотские пожелания естеству падшему, как свойства недуга — недугу; они противоположны естеству человеческому в том состоянии, в котором оно было создано³⁶. Иначе: зачем бы и воскресать телам человеческим для блаженной вечности, в которой имеют место одни наслаждения духовные? Плоть человека сотворена способною радоваться *«о Боже живе»* (Пс. 83, 3). Так возвышенны были непорочность и бесстрастие первозданных, что они не нуждались в одежде; *«и беста оба нага, — говорит Писание, — Адам и жена его, и не стыдястася»* (Быт. 2, 25). Они вышли из рук Создателя в состоянии зрелости и вместе

неувядающей юности, красоты и силы, неподверженные никаким недостаткам, никаким изменениям ни в возрасте, ни в здравии. Тело Адама не сгорало от огня, не тонуло в воде, не опалялось солнцем, не подвергалось влиянию стихий, которые сами находились в совершенном благоустройстве и мире. «Сначала, — говорит Макарий Великий, — князем века сего и господином всех видимых человек был поставлен от Бога: ниже бо огонь силы своея над ним явити мог, ни вода потопити, ни вредити зверь, ни ядовитое что-либо действовать»³⁷. Тело Адама, легкое, тонкое, бесстрастное, бессмертное, вечно юное, отнюдь не было узами и темницею для души: оно было для нее чудною одеждою. Наконец — это изящное тело было способно, по совершенству своему, для жительства в раю, где в настоящее время обитают отшедшие отсюда праведники только душами своими. Они соделаются способными взойти туда телами по всеобщем воскресении, когда самые тела соделаются духовными. По падении и при изгнании из рая даны человеку «кожаные ризы» (Быт. 3, 21); тогда, говорит Святой Иоанн Дамаскин, «он облекся в смертность, или в смертную и грубую плоть, что означают кожаные ризы»³⁸.

В основание изложения нашего о душе человека мы полагаем то определение, которое делает ей вышеприведенный Учитель Церкви. «Душа, — говорит он, — есть существо живое, простое, бестелесное, телесными очами по своей природе невидимое, бессмертное, разумом и умом одаренное, безвидное, действующее посредством органического тела и сообщающее ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения, имеющее ум, не как что-либо отличное от нее, но как чистейшую часть самой себя. Душа есть существо свободное, одаренное способностью хотеть и действовать, изменяемое, и именно изменяемое в воле, как существо сотворенное»³⁹. Для полноты этого определения или описания должно сказать, следуя указанию другого святого Отца, что душа есть существо доброе по естеству⁴⁰. Хотя в ней после падения добро смешалось со злом, следовательно, сделалось поврежденным; но то же можно и должно сказать о ее разуме и о ее свободе: повреждение чего-либо не есть уже его уничтожение. Очевидно, что святой Иоанн Дамаскин дал такое определение душе относительно: относительно нашему состоянию и степени способностей к познанию. Далее он объясняет это. «Бестелесное, — говорит он, — одно таково в самом естестве, а другое в сравнении с грубым веществом. По естеству бестелесен только Бог; Ангелы же, демоны и души — бестелесны по благодати, и в сравнении с грубым веществом»⁴¹. Еще далее святой Иоанн называет «телом то, что имеет три протяжения, т. е. в длину, ширину и глубину»⁴². Из такого определения тела, определения, и доселе признаваемого вполне правильным и удерживаемого наукою, вытекает, как необходимейшее и точнейшее последствие, что всякое ограниченное существо неизбежно есть тело. Всякое ограниченное существо заключается в большем или меньшем пространстве; вне всяких изменений, вне всякого пространства, как превысивший всякого пространства и всякой меры — Бог. Бог вполне бестелесен, то есть Существо Божие совершенно другое, нежели существа тварей, как бы эти твари ни были тонки, и различается от существа тварей неизмеримым различием. Поставлять в один разряд духовных существ Бога и сотворенных духов есть дерзостнейшее богохульство. Как Священное Писание, так и все святые Отцы Восточной Церкви, хотя и называют Ангелов, демонов и человеческие души духами, но именно в том смысле, как объясняет святой Иоанн Дамаскин. Постоянно называет их духами Макарий Великий во

всех своих сочинениях; но в этих его сочинениях мы имеем его суждение о сотворенных духах, еще более определительное, нежели суждение Дамаскина. Заимствовал его Угодник Божий из своего превосходнейшего совершенства. «Высокое некое, — говорит он, — и глубокое слово, по силе ума моего предложить хошу. Незиследимый и безплотный Господь за безмерную Свою благодать плоть на Себе приемлет, и умален быти является велий Сый и преестественный, да возможет с разумными Его тварьми сочислиться, душами, глаголю, святыми и Ангелами, яко да и те бессмертныя Божества Его жизни причастники будут. Зане каждое из сих по естеству своему тело есть, аще Ангел, аще душа, аще демон. Хотя бо тончайшие суть, однако в ипостасе, характере, начертании и образе по тонкости естества своего тело суть, якоже в ипостасе своей сие наше тело дебело есть. Сим образом и душа тело сущи тончайшее, окружается и одевается членами тела сего. Надевает око, имже и смотрит; надевает ухо, имже и слышит; руки, ноздри, и просто реши все члены тела приемлет и срастворяется со всеми душа, посредством которых и вся, елика к житию человеческому потребна суть, исправляет»⁴³. На вопрос: имеет ли душа какой-либо вид? Преподобный Макарий отвечал: «Имеет образ и вид, подобный Ангелу. Якоже бо Ангелы имеют образ и вид, и якоже внешний человек имеет вид: так и внутренний человек образ имеет, подобный Ангелу, и вид внешнему человеку»⁴⁴. Преподобный Кассиан Римлянин, беседовавший с величайшими Угодниками Божиими древнего Христианского Египта, учениками великих Антония, Макария, Пахомия, передает учение их о сем предмете таким образом: «Хотя мы называем некоторые существа духовными, каковы ангелы, архангелы и прочие силы, также самая душа наша, или, конечно, этот тонкий воздух; однако никак не должно признавать их бестелесными. Ибо они имеют свойственное себе тело, в котором содержатся (пробывают), хотя много тончайшее, нежели мы. Они суть тела, по изречению Апостола, который говорит так: *«И телеса небесная, и телеса земная»* (1 Кор. 15, 40); и опять: *«Сеется тело душевное, возстает тело духовное»* (1 Кор. 15, 44). Из сих (слов Апостола) вытекает ясное заключение, что ничего нет бестелесного, кроме единого Бога, и что, следовательно, только Он может проникать во все духовные и разумные существа, потому что един Он весь всюду и во всех находится, так что Он видит и провидит помышления и внутренние движения человеков, все тайны духа (ума). О Нем едином провозгласил Апостол: *«Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным. И несть тварь неявлена пред Ним, но вся нага и объявлена пред очима Его»* (Евр. 4, 12. 13)⁴⁵. Руководствуясь этими свидетельствами святых Отцов и многочисленными другими, которые оставляем для избежания обременительного многословия⁴⁶, мы утверждаем о душе нижеследующее: Она дух — подобно ангелам, имеет ум, духовное чувство, свободную волю, но, как тварь, ограничена и по существу своему и по свойствам своим; по причине этой ограниченности имеет и свою степень тонкости; имея известную степень тонкости, может содержаться, и содержится, в нашем грубом теле, может быть заключена в адской темнице, может быть подвержена адским мукам, огню неугасающему, червю неусыпающему, страшной и вечной тьме, может скрежетать зубами от невыносимого адского страдания, может, если будет допущена, переменять места, может быть помещена в рай, может вкушать сладость и покой рая, как места сла-

дости и покоя; она способна к высшему наслаждению, наслаждению внутреннему, являющемуся в сердце и распространяющемуся по всему человеку, сообщаемому даже его телу, состоящему в общении с Богом, когда Бог соделает достойную душу, по ее назначению, Своею обителию; она, наконец, имеет свой вид, который подобен виду человека в его теле, т. е. душа имеет и главу, и перси, и руки, и ноги, и очи, и уши, словом, все члены, как и тело; душа облечена в тело, как в одежду, а члены ее облечены в соответствующие члены тела⁴⁷. По исшествии из тела души праведных облакаются в светлые одежды, как о том повествует святой Иоанн Богослов в своем Апокалипсисе (гл. 6, 11; 7, 9), как свидетельствует преподобный Макарий Великий: «(Души праведных), — говорит он, — при отшествии из сего мира, имея с собою Господа, идут с великою радостью к небесным жителям; обитающие же с Господом приемлют и отводят их в приготовленные им заблаговременно обители и вертограды и возлагают на них драгоценные и знаменитые одеяния»⁴⁸. Подтверждают это многие места Священного Писания; это очевидно из писаний Святых Отцов и житий их⁴⁹. При противоположном мнении, то есть, что душа есть дух, столько же тонкий, как и дух Божий, непременно потребуются следующие заключения: потребуется признать, что душа не может быть содержима и удержана никаким местом, никаким веществом, ни нашим телом, ни раем, ни адом, не может ощущать адских мук, должна быть превыше наслажденийрая. Мы уклоняемся от такового мнения, как бы явной нелепости, от пагубного для спасения нашего богохульства, и последуем с покорностью и убеждением вышеизложенному учению Святой Православной Церкви. Называя и признавая душу, вместе с Святыми Отцами, духом по отношению к грубому веществу видимого мира, мы, вместе с Отцами, признаем ее, по отношению к Богу и точной истине, телом, которое *«плоти и кости не имеет»* (Лк. 24, 39), но имеет свое вещество, по отношению к нам тонкое, невидимое, подобно воздуху, как выражается преподобный Кассиан, и прочим газам⁵⁰.

Образ и подобие Божии

Святые Отцы научают нас, что душа имеет три силы: силу словесности, силу желания, или воли, и силу мужества, называя сию последнюю силою ярости; она в общем употреблении у нас называется характером, энергиею, силою духа, мужеством, твердостью⁵¹. В силе словесности преимущественно напечатлен образ Троиипостаснаго Божества. «Что же такое образ Божий, если не ум?» — говорит св. Иоанн Дамаскин (Изложение Православной Веры, книга 3, гл. 18). Ум человеческий непрестанно рождает в себе и из себя мысль, или внутреннее слово, неслитен и неразделен с мыслию, не может быть без нее и составляет отдельное от нее проявление словесной силы, как бы отдельное лицо ее, так как и мысль опять составляет отдельное проявление этой же силы, другое лицо ее, будучи вместе с тем неотлучна от ума. Ум невидим и непостижим сам по себе; является и открывается в мысли своей; мысль, чтоб открыться в стране вещества, должна воплощаться, так сказать, в звуки и знаки. Третье проявление, или лицо той же силы, видим в духе нашем, который есть словесное или умное чувство сердца, исходящее и зависящее от ума, содействующее и сообразующееся мысли*. В этом словесном чувстве положено Творцом сознание добра и зла, именуемое совестью.

* Здесь, в выноске, можно поместить «понятие о словесности». — Прим. ред.

Управление человеком принадлежит словесной силе, которая в непорочном состоянии действовала согласно с силою воли и силою мужества или твердости. Воля стремилась к Богу; сила твердости содержала человека постоянно в его правильном стремлении; силою словесною человек пребывал в непрерывном соединении с Богом. Мысль плавала, как выразился некоторый знаменитый подвижник⁵², в Слове Божиим, в Всесвятой Истине, и Дух Божий, как Дух Слова Божия и Дух Истины, почивал на духе человеческом; ум человека был умом Божиим, как и Апостол Павел сказал: «*Мы ум Христов имамы*» (1 Кор. 2, 16). Весь человек находился в чудном согласии с самим собою; силы его не были разрознены в своем действии; разрознились они по падении нашем. По падении они начали бороться и препираться между собою. Самый дух наш соделался обличителем своего начала — ума, подвергшегося омрачению, борется с мыслями, приводит их к разноречию и сбивчивости и сам увлекается обольщенными мыслями. Молясь и сетуя о множестве недостатков наших, мы молимся о избавлении от совести лукавыя⁵³.

Рай

Изобразив сотворение видимого нами мира, Богородица Бытописатель говорит: «*И насади Господь Бог рай (παράδεισος — вертоград, сад) во Едеме на востоцех, и введе тамо человека, егоже созда*» (Быт. 2, 8). Согласно этому повествованию Бытописателя и Сам Господь возвестил, что Царство, или страна вечного блаженства, *уготовано* для людей от *сложения мира* (Мф. 25, 34). Рай находится на востоке; таково положение его по отношению к земле. Это указание, по-видимому, довольно неопределенно и недостаточно; но оно недостаточно только для тех, которые желают измерять и объяснять все единственно по отношению к себе, к кругу действия своих чувств и к видимому миру. В громадном мироздании не только мы, но и обитаемая нами земля — величины, весьма малозначительные. Пространства, доступные нашему измерению и кажущиеся нам огромными, не определяют для нас размеров мира, только объясняют неизмеримость их: за этими, известными нам, пространствами, лежат другие пространства — разумеется⁵⁴ — большие первых, а за теми пространствами — пространства новые, еще бóльшие. Измерение и исследование их для нас невозможно, как измерение и исследование непостижимо и невыразимо великого, соединенного с идеею о бесконечном. Указание Писанием места длярая на востоке вполне достаточно для нашей ограниченности. Престанем опираться на слабый разум наш — этот хрупкий жезл; приступим с верою к учению Божественного Откровения: вера усваивает человеку познания, вполне превышшие его силы постижения.

Рай находится на востоке и по указанию Священного Писания, и по указанию Святого Церковного Предания. Святой Иоанн Дамаскин говорит: «*Царства земная, пойте Богу, воспойте Господеви, восшедшему на небо небесе на востоки*» (Пс. 67, 33. 34); еще же в Писании сказано: «*насади Бог Рай во Едеме на востоцех, и введе тамо человека, егоже созда*» (Быт. 2, 8), а когда человек преступил заповедь, *изгна его, и всели прямо Рая сладости* (Быт. 3, 23, 24), т. е. на западе. Посему, желая возвратиться в прежнее отечество и устремляя к нему взоры, мы поклоняемся Богу на восток... Восходя на небо, Господь возносился к востоку, и на восток Апостолы поклонились Ему; и придет Он с востока точно так же, как они видели Его восходящим на небо (Деян. 1, 11), о чем Сам Господь сказал: «*Якоже молния ис-*

ходит от восток и является до запад, тако будет и пришествие Сына Человеческаго» (Мф. 24, 27). Итак, ожидая Его пришествия, мы кланяемся на восток. Это предание Апостолов неписанное: ибо «они многое предали нам и без писания»⁵⁵. Святой Иоанн Дамаскин говорит, что по той же причине, т. е. потому, что Рай находится на востоке, Скиния Моисеева имела завесу и очистилище к востоку, что колено Иудово, из среды которого долженствовал произойти по плоти Господь наш и которое имело поэтому предпочтение пред другими коленами, располагалось станом на восток во время путешествия Израильтян по пустыне в землю обетованную; в знаменитом храме Соломоновом врата Господни находились на востоке; распятый Господь взирал к западу от востока, и мы, устремляя к Нему взоры, кланяемся на восток⁵⁶. Новозаветные православные храмы строятся алтарем к востоку; при совершении молитвословий вне храмов, всегда обращаемся к востоку; усопших наших погребаем, обращая их лицом к востоку — *прямо Рая сладости*, в надежде воскресения, в надежде возвращения в Рай. Преподобный Симеон Дивногорец и некоторые другие Угодники Божии, удостоившиеся восхищения в Рай, обрели его на востоке⁵⁷.

Святой Бытописатель изображает Рай обширнейшим садом, преисполненным всякого рода плодовитыми и прекрасными для вида деревьями, взятыми с земли, между которыми, как особенно примечательные, именуются древо жизни посреди Рая и древо различения добра от зла. Из Едема выходит река, напаяющая Рай, и оттуда разделяется на четыре начала. Такое описание Рая, имена протоков райской реки, исчисление стран, по которым идут эти протоки, подали повод некоторым заключить, что Рай находится на земле. Но протоки реки райской, нося название известных земных рек, имеют одно общее начало, прежде составляют одну реку, потом разделяются на четыре протока; этих условий не выполняют тождественные им земные реки, отстоя одна от другой истоками своими весьма далеко. Не на земле находится Рай, хотя и имеет с землею ближайшее отношение и сходство. Самое устройство Рая названо не сотворением, а насаждением, заимствованным с земли (Быт. 2, 9), так как с земли взяты были и жители для него. Причиною мысли, что Рай находится на земле, было, без сомнения, прежде господствовавшее понятие о веществе, когда веществом называлось одно грубое, осязательное вещество и когда еще не могли догадаться, что вещество может иметь степень тонкости, превышающую постижения человеческого; прежде утонченное вещество смешивали с духами и называли его духом, или же во всем невидимом, неподверженном и весьма мало подверженном нашим чувствам искали уже бесконечной тонкости, что одинаково погрешительно. Не на земле Рай⁵⁸: Рай на небе. Апостол Павел, восхищенный на *небо*, восхитивший до *третьяго неба*, поведал о себе, что он был восхищен *в Рай*, и *слыша там неизреченны глаголы* (2 Кор. 12, 4). «*Аминь глаголю тебе*, — сказал распятый Спаситель сораспятому с Ним Разбойнику, исповедавшему Его Господом, — *днесь со Мною будеши в Раи*» (Лк. 23, 43). Очевидно, что Разбойник душою помещен в Рай; тело его, по пребитии голений, снято со креста и предано земле. Помещение души Разбойника в Рай объясняет как свойство души (что она тонкое тело), так и свойство райской природы, состоящей из тонкого вещества, соответствующего жителям своим — сотворенным духам. Сверх того, этим объясняется состояние тела Адама до его падения: в святом теле своем Адам был способен обитать в одном жилище с сотворенными духами, как будут обитать с ними на небе святые человеки в телах своих по воскресении. «Небо, — говорит святой Иоанн Да-

маскин, — есть объем тварей видимых и невидимых. В нем заключаются и им ограничиваются умные силы Ангелов и все чувственное. Одно только Божество беспредельно»⁵⁹. Святой Андрей был восхищен подобно святому Апостолу Павлу до третьего неба; на первом небе от земли, по видению сего святого, помещен Рай⁶⁰. Согласно с этим поведает и другие святые, заимствуя поведание свое из божественных откровений и видений, которых они сподоблялись⁶¹.

Научаемые Священным Писанием и Святыми Отцами, мы признаем Рай — это место непрочного наслаждения, в которое помещен был Адам, в котором ныне помещаются многие души праведных человеков, в котором будут помещены многие Угодники Божии с телами своими по воскресении, — соответствующим и сообразным по природе своей своим жителям. Рай веществен, но вещество его тонко, как тонки души, как было тонко тело Адама до облечения его в кожаные ризы, как будут тонки воскресшие тела праведников по образу прославленного тела Господа нашего Иисуса Христа. «Рай, — говорит блаженный Феофилакт Болгарский, — есть село духовного покоя». Рай, по сказанию сего Учителя Церкви, был чувственный; Адам видел его, плоды дерев райских употреблял в пищу, веселился там духовно. В этот Рай, древнее достояние и отечество человека, возведен Разбойник, исповедавший на кресте Господа⁶². Святой Макарий Великий говорит: «Премирный и горний Иерусалим, идеже Рай». (Бес. XXV, гл. 7).

Земля служит некоторым подобием Рая. Священное Писание сравнило плодороднейшую долину Содомскую, до ее запустения, орошенную водами Иордана, с Божиим Раем (Быт. 13, 10). Если, до времени проклятия своего, земля была совсем иною, нежели какую теперь видим ее в ее состоянии нестроения и обречения на сожжение, то как превосходен должен быть Рай, далеко превосходивший землю обилием красот своих и обилием благодати своей. Таким видел Рай Святой Андрей! Он поведал о реке райской, о райских плодах и цветах, о райских птицах и чудном пении их, о райских виноградниках и древах; о сих последних присовокупил он, что их нельзя сравнить ни с каким земным древом, потому что, говорил он, Божия рука, а не человеческая насадила их. Это должно разуметь и о всех предметах, составляющих утонченную и изящную природу Рая. Угодник Божий передавал о себе, что он ходил по Раю, с удивлением созерцая красоты его, и от созерцания красот его, от обильного влияния благодати, которую преисполнен Рай, приходил в несказанный восторг, в сладостнейшее иступление. Очень понятное состояние! Красоты земли приводят в восторг созерцателя, когда он чистым оком ума начинает усматривать в них необъятную силу и премудрость Творца, — тем более чудные красоты Рая должны привлекать человека всецело к созерцанию, к видению Бога в делах Его, и от такого видения исполнять видящего духовным нетленным наслаждением.

Все поведания святых о Рае согласны между собою. Преподобный Григорий Синайский говорит, что Рай есть низшее небо, что он состоит из садов, насажденных Богом, что древа этих садов постоянно покрыты цветами и плодами, что посреди Рая течет река, напояющая его и разделяющаяся на четыре начала⁶³. Преподобный Иоасаф, царь, потом апостол, наконец инок Индии, сподобился видеть Рай. Однажды, после продолжительной молитвы, сопровождаемой многими слезами, он погрузился в тонкий сон. Во сне он увидел, что некоторые грозные мужи восхитили его и, проведши по странам, которых он никогда не видал, привели на обширнейшее поле, усеянное прекраснейшими цветами и чрезвычайно приятное. Там были всех

родов произрастения, изобиловавшие какими-то необыкновенными и удивительными плодами, и особенно красивыми для вида, и особенно приятными для вкуса. Листья деревьев, движимые нежнейшим ветром, издавали шум, и, колеблясь, испускали неизъяснимое благоухание. Там были сады, устроенные из золота и драгоценнейших камней, блиставшие обильным светом. Там были светлые одры, украшенные чудными покрывалами и пышностью, превышающею всякое слово. Там протекали чистейшие воды, увеселявшие самый взор. После сего преподобный Иоасаф введен был в небесный град, горний Иерусалим, и видел красоту и славу его. Упоенный небесным утешением, Преподобный не хотел возвратиться на землю; но руководившие его мужи сказали, что пребывание в этих светлых местах доставляется многими трудами и потоми. Они вывели его оттуда и показали ему страшные места вечных мук; после сего он тотчас пришел в себя⁶⁴.

Особенного замечания достойны две повести, о монахе Павле и о монахе Ефросине, сохраненные нам Церковным Преданием. Этих иноков видели в Раю, первого многие из благоговейнейших братий его монастыря, а второго — игумен его Власий, пришедши в священное иступление или тонкий сон, правильное, в самозабвение — состояние, в котором обыкновенно находятя видящие видения, что явствует и из Деяний Апостольских (гл. 12, с. 7—11). В том и другом случае Рай описывается обширным вертоградом, исполненным неизреченной красоты и благоухания. Преподобный Павел наделил своих братий, сообразно желанию каждого, цветами и другими произрастениями Святого Рая; братия по окончании видения, пришедши в себя, имели в руках своих каждый то, что взял из Рая⁶⁵. Преподобный Ефросин дал игумену Власию три благовонные яблока. Игумен разделил яблоки братии: вкусившие их исполнились духовного веселия, а вкусившие их больные исцелились от недугов своих⁶⁶.

Не в одних вышеупомянутых двух событиях тонкое вещество Рая, по мановению Божию, сгущалось и содействовалось осязательным для наших телесных чувств. Когда святую мученицу Дорофею повели из претора на место казни, чтоб по повелению мучителя игемона отсечь ей голову за исповедание Господа нашего Иисуса Христа, некоторый ученый, именем Феофил, советник игемона, воскликнул к ней в насмешку: «Слушай, невеста Христова! Пошли мне яблоков и розанов из Рая, от Жениха твоего». Святая Дорофея сказала: «Поистине исполню это». Пришедши на место посещения, она упростила палача, чтоб дозволил ей немного помолиться Богу своему. Когда она окончила молитву, предстал ей Ангел Господень в виде отрока необыкновенной красоты; он принес ей в чистом платке три прекрасных яблока и три красные розы. Святая сказала Ангелу: «Прошу тебя: отнеси их к Феофилу и скажи ему: вот тебе то, чего ты просил». Сказав это, она преклонила под меч главу и была усечена. Между тем Феофил, насмехаясь над обещанием Святой, рассказывал о нем друзьям и сверстникам своим. «Теперь, — говорил он, — когда повели на казнь Дорофею, называвшую себя Христовою невестою и хваставшею, что она взойдет в Его Рай, я просил ее, чтоб она послала мне оттуда яблоков и розанов. И она обещалась мне непременно исполнить это!» Передавая это друзьям своим, Феофил безмерно смеялся, как внезапно предстал ему Ангел с тремя яблоками и тремя цветками, говоря ему: «Это посылает тебе святая дева Дорофея, как обещала, из Рая Жениха своего». Феофил, увидев яблоки и цветы и взяв их в руки, воскликнул громким голосом: «Истинный Бог — Христос, и нет в Нем никакой неправды». Друзья его сказали ему: «Феофил! Ты или сошел с ума,

или смеешься». Феофил отвечал им: «Я не сошел с ума и не смеюсь, но здравый разум требует от меня, чтоб я веровал, что Иисус Христос есть истинный Бог». Они спросили его: «Отчего ты так внезапно переменился?» Феофил отвечал: «Скажите мне, какой ныне месяц?» Они сказали: «Февраль». Феофил: «Теперь — зима. Вся Каппадокия покрыта снегом и льдом, и нет ни одного дерева или растения, которое бы украшалось своими листьями; откуда же, думаете вы, эти цветы и яблоки с своими сучками и листьями?» Говоря это, он показывал им яблоки и розы. Видя их, осязая, поражаясь особенным благовонием их, они в удивлении говорили: «Мы не видали таких плодов и цветов и в обыкновенное время их». Феофил из гонителя превратился в проповедника веры Христианской. Немедленно дано было знать о нем игемону, который подверг Феофила сперва обольщениям и увещаниям, а потом мукам, и Феофил запечатлел своею кровию свое исповедание Христа⁶⁷.

Образец сгущения райского вещества совершился при успении Божией Матери. За несколько дней до сего святого успения предстал Пресвятой Деве Архангел Гавриил с сияющею финиковою ветвью из Рая⁶⁸ и возвестил Ей блаженное преселение в горние обители. При погребении Девы райская ветвь несена была святым Апостолом Иоанном пред гробом Богородицы⁶⁹. Таковы понятия, таковы, так сказать, намеки, доставляемые Божественным Откровением человечеству, странствующему и страждущему на земле, о стране упокоения и вечного блаженства, уготованной ему от сложения мира⁷⁰. По причине греховности нашей, по причине омрачения нашего, по причине падения нашего мы знаем и созерцаем только самую малую частицу чудес Божиих: горячайшими молитвами от сердца сокрушенного и смиренного и жизнью по евангельским заповедям умолим Господа нашего, чтоб Он явил нам славу Свою, которую узрят и всегда будут видеть избранные Его, которой никогда не узрит ни один служитель греха.

Введение в Рай и совершенство первозданных

Создав тело человека на земле и из земли, вдунув в него живую душу, душу, оживленную Святым Духом, Всемогуший Создатель возьмет человека превыше земли, в Рай; *«взя Господь Бог человека, егоже созда, — говорит Писание, — и введе его в Рай сладости»* (Быт. 2, 15). Какая цепь великих благодетей, из которых всегда последующее превышает предваряющего! Но и в раю еще предоставлено было Адаму преуспевание: ему предоставлено было возделывать рай и хранить его (Быт. 2, 15). Трудно в нашем состоянии падения понять с отчетливостью, в чем состояло возделывание и хранение рая; но никак не должно понимать этих слов в плотском смысле, как бы о возделывании и хранении сада для его украшения и очищения от недостатков. Рай насажден рукою Божиею; недостатков нет в нем: в нем преизобилует присутствие и благоухание благодати Божией; он приводит обитателей своих в непрестанное духовное наслаждение, приводит к созерцанию величия и благодати Создателя, изображающейся в великолепии рая, как в обширном и чистейшем зеркале. Обильно и красноречиво вещает о Боге и проповедует Бога рай сладости. Во внимании этой проповеди, в изучении Бога, состояло главное делание рая; изучение изящества созданий было деланием второстепенным. Как ни был совершен Адам, но он был совершен относительно — относительно к ограниченной природе человека: изучение всесовершенного

и бесконечного Бога составляло для него, по естественной необходимости, делание, достойное всего его внимания. Это делание представляло собою поприще бесконечного преуспеяния! Это делание сопряжено с высшим духовным наслаждением! Это делание — бесценный дар, достойный бесконечно совершенного и бесконечно благого Бога! Чистый ум человека, распростершись по необъятному Божеству, истощает всю свою естественную силу движения и стоит в священном иступлении пред непостижимым Божеством, вне и превыше всякого размышления, как Серафим, утоляя обильным славословием обилие наслаждения и ненасытно насыщаясь видением Невидимого, закрывая благоговейно и премудро очи пред предметом, превысшим видения⁷¹. Заповедь о хранении рая соделяется понятною для нас, когда сообразим, что падшему ангелу, еще не исполнившему меры грехов своих⁷², возможен был вход в рай, что человек был способен к открытой беседе с духами, что он не был утверждён в состоянии святости, как утверждены в нем Ангелы Света. Хотя он не знал греха, но мог получить это знание, для него невыносимое и губительное.

Падение первозданных

Посреди рая находилось древо жизни; вкушением плода его поддерживалось бессмертие тела человеческого. Находилось посреди рая и другое древо, древо познания добра и зла. Господь, введши первозданных в рай, заповедал Адаму: *«От всякого древа, еже в раи, снєдию снеси. От древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесете от него: а вонь же аще день снесете от него, смертию умрете»* (Быт. 2, 16.17). Эта заповедь объясняет многое. Очевидно, что плоды деревьев райских, как мы и выше видели, гораздо тоньше и сильнее, нежели плоды земные, действуют не только на тело, но на ум и душу. Одно древо было древом жизни, а другое древо — древом познания добра и зла. Познание это хранилось, отлагалось, может быть, для усовершенствовавшихся деланием и хранением рая, — для новозданных оно было преждевременно и смертоносно. Такое суждение заимствуем из опытного учения великих иноков. Они завещают новоначальным подвижникам немедленно отвергать всякую злую мысль, только что она явится уму: потому что ум новоначального еще слаб и неопытен, еще не разрушил вражды со грехом и, вступив в беседу с ним, непременно увлекается и низлагается им. Напротив того, Отцы завещают преуспевшим подвижникам не тотчас отвергать злую мысль, но сперва рассмотреть, истязать, обличить и тогда уже отринуть ее: таким образом действия доставляется особенная опытность в невидимой борьбе с духами злобы, изучаются их лукавство, их козни, сила веры, смирения и молитвы⁷³. Есть смертоносное познание зла, которое человек может развить сам в себе: оно смертоносно, потому что тогда естественная доброта человека отравляется принятою злобою, как прекрасная пища ядом, и сама превращается в злобу. Есть и душеполезнейшее познание зла, даруемое Святым Духом избранным сосудам Его, при котором чистый и сильный ум исследует все, и самые тончайшие извития греха, обличает их, не смешиваясь со грехом, и хранит от зла себя и ближних. Так, водимый Святым Духом, Святой Апостол Петр сказал Симону волхву: *«В желчи горести и союзе неправды зрю тя суща»* (Деян. 8, 23).

В то время, как наши праотцы наслаждались в раю, падший князь небесных сил с многочисленным сонмищем темных ангелов, уже низверг-

нутый с неба, скитался в поднебесной. По неисповедимым судьбам Божиим ему допущен был вход в рай, как еще не вполне отчаянному злодею. Эту благость Божию, привлекавшую заблудшего к сознанию греха и к раскаянию в нем, сатана употребил для совершения нового преступления, для неисцелимого запечатления себя во вражде к Богу. Дьявол, вступив в рай, огласил рай богохульством, переплетенным ложью, и ознаменовал свое присутствие в раю погублением первозданных человеков, как прежде ознаменовал свое присутствие на небе погублением бесчисленного множества ангелов. Он приступил к жене, как к существу более слабому, и, притворяясь незнающим заповеди, данной Богом, предложил лукавый вопрос: *«Что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго?»* (Быт. 3, 1) Всеблагото Бога он представляет недостаточно благим, а святую и благотворную заповедь Божию жестокою и тяжкою! Увидев, что жена вступила с ним в разговор с некоторою доверчивостию и в опровержение ему высказала точные слова заповеди: *«От плода древа, еже есть посреди рая, рече Бог, да не ясте от него, ниже прикоснетесь ему, да не умрете»* (Быт. 3, 3) — злодей начинает прямо оспаривать и отвергать справедливость Заповеди Божией. Страшно повторять дерзкие и богохульные слова его! *«Не смертию умрете, — сказал он. — Ведяще бо Бог, яко вонь же аще день снесте от него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое»* (Быт. 3, 4, 5). Несмотря на явный яд слов змея — так называет Писание падшего ангела — жена остановилась на них; забыв и заповедь и угрозу Божии, она начала рассматривать древо под водительством собственного разума, склонившегося под влияние дьявольской лжи и обольщения. Плод древа показания ей добрым в съедь, а познание добра и зла показалось познанием любопытным. Она вкусила от древа и склонилась к вкушению мужа. Удивительно, с какою легкостью совершилось падение праотцев! Не было ли оно предуготовлено их внутренним расположением? Не оставили ли они в раю созерцание Творца, не предались ли созерцанию твари и своего собственного изящества? Прекрасно созерцание себя и твари, но в Боге и из Бога; с устранением Бога оно гибельно, ведет к превозношению и самомнению. К такому рассуждению приводит Писание, когда он повествует, что жена, выслушав речи дьявола, *«виде, яко добро древо в съедь и яко угодно очима видети, и красно есть еже разумети, и вземши от плода его яде, и даде мужеву своему, и ядоста»* (Быт. 3, 6).

Очевидно, что праотцы, оказав преслушание Богу и склонившись в послушание дьяволу, сами себя сделали чуждыми Бога, сами себя сделали рабами дьявола. Обещанная им смерть за преступление Заповеди тотчас объяла их: Дух Святой, обитавший в них, отступил от них. Они были предоставлены собственному естеству, зараженному греховным ядом. Этот яд сообщил человеческому естеству дьявол из своего растленного естества, неисполненного греха и смерти. Первое греховное ощущение праотцев было ощущение стыда, в котором — невольное и горестное сознание внутри живущаго греха, заменившего в них прежнего жителя — Святого Духа. Они поняли, что они наги, и немедленно сделали себе опоясания из смоковничных листьев, чтоб прикрыть неблагообразные уды тела, в которых они до падения не видели никакого безобразия, как и ныне не видят его младенцы, чуждые греховного похотения. «Умертвилась душа Адама, — говорит святой Григорий Палама, — преслушанием разлучившись от Бога: ибо телом он прожил после того (после падения своего)

до девятисот тридцати лет. Но смерть, постигая, по причине преслушания, душу, не только соделывает непотребною душу и наводит проклятие на человека, но и самое тело, подвергнув его многим немощам, многим недугам и тлению, наконец предает смерти»⁷⁴. «Адам, — говорит блаженный Феофилакт Болгарский, — будучи живым, был и мертвым: он умер с того часа, в который вкусил (от запрещенного дерева)»⁷⁵.

Вездесущие естественно Богу. Он присутствовал и в раю во время согрешения праотцев; но присутствие это обнаружил хождением в раю по полудни, когда уже праотцы совершили преступление. Вероятно, около полудня вкусили они плод воспрещенный: потому что в этот час Богочеловек распростер руки Свои на древе крестном, искупая пригвождением рук к древу дерзновенное простертие рук праотцами к плоду дерева воспрещенного. Праотцы почтены были свободою; при свободе в руководителя дан им Дух божественной премудрости: справедливость требовала, чтоб свободе предоставлено было выразиться по произволу ее. Выразилась она самоубийством. Едва праотцы нанесли себе язву, как милосердный Господь является им для уврачевания язвы: Адам и Ева услышали *глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни* (Быт. 3, 8). Укрывшись друг от друга листьями смоковницы, праотцы покусились укрыться и от Бога в чаще деревьев райских: так они омрачились внезапно! Господь призвал Адама словами: «*Адаме, где еси?*» (Быт. 3, 9) По объяснению Святых Отцов⁷⁶, эти слова суть слова величайшего милосердия и соболезнования. Они значат: «В какое ты впал бедствие! Какое тебя постигло глубокое и несчастное падение; *Адаме, где еси?*» — Не понимает омраченный грешник гласа, призывающего его к сознанию греха и к раскаянию в нем. Он старается оправдать себя, и оправданием оговаривает: «*Глас слышах, — говорит он, — Тебе ходяща в раи, и убоаяся, яко наг есмь, и скрыхся*» (Быт. 3, 10). Уличенный, он снова не сознается, не кается, с дерзостью говорит Богу: «*Жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох*» (Быт. 3, 12). Эти слова, по замечанию некоторого Святого Отца, имеют такое значение: *Бедая, постигшая меня, наведена мне Тобою: жена, юже дал еси со мною!*⁷⁷ От ожесточенного Адама Господь переходит к жене, с милосердием говорит ей: «*Что сие сотворила еси?*» (Быт. 3, 13) Но и жена не приносит покаяния, не просит помилования, старается оправдать себя обвинением змея. Глубоко поврежденные познанием зла, проникшего молнией в ум, в сердце, в душу, в тело, не сознающиеся во грехе своем, гордо и дерзко оправдывающие себя праотцы, подверглись суду и наказанию Божию. Суд Божий пал, во-первых, на змея, как на зачинщика и главу преступления; потом он карает жену, как первую преступницу заповеди и виновницу гибели мужа; наконец, он поражает мужа, как отвергшего послушание Богу для послушания жене. Змей-диавол окончательно отвергнут⁷⁸: он вполне предоставлен своей злобе; благодать Божия отреклась от прикосновения к нему какую бы то ни было благою мыслию, достойною неба. «*На персех твоих и чреве ходити будещи, — возвестил ему Бог, — и землю снеси вся дни живота твоего*» (Быт. 3, 14). Установлена вражда между диаволом и женою, между семенем диавола и семенем жены, т. е., с одной стороны, между диаволом и семенем его — увлеченными им в погибель ангелами, между диаволом и семенем его — грехом, с другой стороны, между женою и семенем жены, т. е. Богочеловеком, который по человечеству есть исключительно Семя жены, и верующими в Него людьми, облеченными во всеоружие Божие. При установлении этой вражды и брани возвеще-

но, что Семя жены — Богочеловек — сотрет главу змея; при установлении этой вражды и брани заповедано последователям Богочеловека блюсти главу змия, т. е. познавать и отвергать все начинания диавола в самом первоначальном их помысле⁷⁹; диаволу попущено, как приобретшему право добровольным покорением ему человеков, наветовать Семя жены во время его земного странствования, блюсти его пяту. И блюдет диавол эту пяту всякого праведника о Христе, от Авеля праведного до праведника самых последних времен; не остановился он, омраченный необузданною злобою и дерзостью, наветовать и Богочеловека. На жену возложены многие болезни и преимущественно болезни чадорождения; она порабощена мужу; на Адама возложены труды в снискании пропитания — земля проклята ради его. Поприщем для этих страданий назначена вся земная жизнь, а окончанием их — телесная смерть. По изречении приговора Адам и Ева были изгнаны и низринуты из рая на землю (Быт. 3, ст. 22, 23).

Смерть души

Но существенная казнь падшего человека состояла в душевной смерти, поразившей его немедленно по преступлении заповеди. Тогда человек лишился обитавшего в нем Святого Духа, который составлял как бы душу всего существа человеческого⁸⁰, и был предоставлен собственному естеству, зараженному грехом и вступившему в общение с естеством демонов. От подчинения смерти и греху составные части человека разошлись, стали действовать одна против другой: тело противится душе; душа находится в борьбе сама с собою; ее силы препираются; человек находится в полноте расстройств. Сила желания болезненно превратилась в ощущение ненасытных похотений; сила мужества и энергии превратилась в различные виды гнева, от иступленной ярости до утонченного памятозлобия; сила словесности, отчуждившись от Бога, потеряла возможность управлять силою воли и силою энергии и правильно направлять их. Этого мало: душа сама поработилась греху, приносит ему непрестанные жертвы лукавством, лицемерством, лжею, самомнением; она борется и препирается сама в себе, сама с собою, волнуя все существо человека разными неправильными и необузданными мыслями, возбуждающими мучительнейшие ощущения, тщетно обличаемыми сознанием духа или совести, лишенною и силы и истины. Образ и подобие Божии в человеке, по падении его, изменились. Подобие, состоявшее в совершенном отчуждении зла из качеств человека, познанием зла и сообщением его этим качествам, уничтожилось; при уничтожении подобия образ исказился, соделался непотребным, но не уничтожился совершенно. «Да вемы убо, — говорит святой Димитрий Ростовский, — яко образ Божий есть и в невернаго человека душе, подобие же токмо в христианине добродетельном: и егда согрешает смертне христианин, тогда подобия токмо лишается Божия, а не образа: и аще и в муку вечную осудится, образ Божий тойжде в нем во веки, подобие же уже быти не может». И Церковь воспевает: «Образ есмь неизреченныя твоя славы, аще и язвы ношу согрешений, но еже к подобию возведи древню доброту возобразитися»⁸¹.

Подчинение человека диаволу

Страшным плодом падения было порабощение человека диаволу и ничем не отвратимое смешение с ним. Об этом горестном порабощении так беседует святой Макарий Великий: «Царство тьмы, то есть, оный злый

князь, пленивши человека искони, так обложил и облек душу властью тьмы, аки какого человека, по оному: *яко да сотворят его царем и облекут в царския одежды, и да носит от главы даже до ног царския одеяния*. Тако душу и все ея существо облек грехом злый оный начальник, всю ее осквернил и всю пленил в царство свое, что ни помышлений, ни разума, ни плоти, и наконец ни единого ея состава не оставил от своего власти свободным; но всю ее одел в хламиду тьмы... Всего человека, душу и тело, злый оный враг осквернил и обезобразил; и облек человека в ветхаго человека, оскверненна, нечиста, богопротивна, не повинующаяся закону Божию, т. е. в самый грех облек его, да не к тому видит человек, якоже хочет, но зле видит, зле слышит, ноги имеет стремительны к злодеянию, руки, творящие беззаконие, и сердце, помышляющее злая... Грех и душа смешались между собою, имея однакоже оба из них собственное при себе естество. «Как во время мрачной и темной ночи, когда дышет бурный ветер, колеблются, мнутся и приходят в великое движение все растения: так и человек, подвергшись темной власти ночи — диавола, и в этой ночи и мраке проводя жизнь свою, колеблется, мнется и волнуется лютым ветром греха, который все его естество, душу, разум и помышления пронзает, причем и все телесные члены его также движутся, и нет ни одного ни душевного, ни телесного члена, свободного от греха, обитающего внутри нас»⁸². По падении и до самого искупления нашего Господом нашим Иисусом Христом «с насилием и мучительно владел враг человеком, — говорит Преподобный Авва Дорофей, — так что и не хотевшие грешить невольно согрешали, как говорит Апостол от лица нашего: *«не еже хочу доброе творю, но еже не хочу злое, сие содеваю»* (Рим. 7, 19)⁸³. Действует на нас диавол, влагая свои помыслы, обольщая мечтаниями⁸⁴, возбуждая помыслами и мечтаниями греховные ощущения, волнуя и разгорячая кровь, поглощая этими волнами и попаляя этим пламенем весь здравый смысл человека и всю силу его воли. Действия всех страстей соединены с движением разнообразным крови; где движение крови, там непременно действие страсти, там непременно действие бесов. Такое действие непостижимо для омраченного падением человека, пребывающего в падении своем: лукавые помыслы и мечтания так тонко и хитро действуют в душе, что ей представляются они как бы рождающимися в ней самой, а отнюдь не действием чуждого ей злого духа, вместе и действующего и желающего оставаться непримеченным»⁸⁵.

В чем существенно состоял грех первозданных? По наружности он состоял в вкушении от запрещенного древа. Он получает и большую тяжесть и большее значение, когда мы определим его нарушением заповеди Творца тварю, противодействием твари воле Творца. Еще большее значение получает он, когда мы признаем в нем попытку человека соделаться равным Богу. А на эту именно попытку и указывает Бог словами, исполненными неизреченного сострадания, произнесенными Им при изгнании прародцев из рая: *«Се Адам бысть яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое»* (Быт. 3, 22). «Солгася (обманулся) древле Адам, — возвещает Святая Церковь, — и Бог возжелел быти, не бысть»⁸⁶. Диавол сообщил свой грех обольщенному человеку. Но грех диавола был собственным его созданием; он задумал сам в себе соделаться равным Богу (Ис. 14, 14), обрабатывал эту мысль, стремился привести ее в исполнение, сообщил ее многочисленному сонмищу других духов, склонил их в единомыслие с собою, наконец, явно восстал против Бога; грех человека был нечаянно постигшим его увлечением.

Грех человека был приготовлен не замыслом, но неправильным и недостаточным деланием и хранением рая. Не менее того грехом своим человек соделался сообщником дьявола и пленником его. Как падшему по увлечению, человеку вместе с изречением казни обетовано искупление и Искупитель.

Земная жизнь

Господь, изгнав человека на землю из рая, вселил его на ней *«прямо рая сладости»* (Быт. 3. 24), чтоб он, непрестанно обращая взоры к раю и вместе питаясь надеждою возвращения в рай, пребывал в непрестанном плаче покаяния. Вселение прямо рая сладости показывает, что Адаму дано было живое воспоминание о рае, и сама земля красотою своими, сохранившимися в некоторой степени и после ее проклятия, напоминала рай. Земля назначена в место покаяния для праотцев и для всего имевшего произойти от них рода человеческого. Земная жизнь каждого человека есть время, данное ему на покаяние. Все человечество на земле должно быть погружено в покаяние, в неутешное рыдание. Оно должно странствовать на ней, не прилепляясь сердцем ни к каким предметам, которыми обставлена эта гостиница, но непрестанно помышляя о горьком своем отечестве и всеусильно стремясь возвратиться в него. Труд и злострадание — неперенные спутники покаяния и родители смирения, рождающего покаяние, должны господствовать на земле, по самому определению Божию. Человек должен постоянно помнить, что Господь назначил ему в поте лица снедать не только вещественный, но и духовный хлеб свой; человек должен непрестанно помнить, что он на земле во временном изгнании, что он — земля, что он должен возвратиться в землю, из которой он создан. Об этом все на земле непрестанно напоминает ему. Он находится в непрестанном разнообразном страдании, в борьбе с собственною злобою, в борьбе с злобою ближних своих, в борьбе со стихиями, в борьбе с землею, ради его проклятою и повинующеюся ему только при пролитии кровавого пота. Об этом непрестанно напоминают ему братия его, похищаемые один вслед за другим, неумолимою смертию. От земли дозволено ему пользоваться одним самонужнейшим, необходимым для земного странствования нашего, отнюдь не излишним, отторгающим мысль от вечности. Все праведники Ветхозаветной Церкви, странствовавшие на земле, начиная от Адама, проводили земную жизнь сообразно назначению, данному ей Богом. Они жили на земле, как в стране изгнания, как в стране плача и покаяния, питаясь надеждою обетованного избавления, соглядая оком веры вечность. *«Пройдоша, — говорит о них Апостол, — в милотех, и в козых кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастьех земных. И сии вси послушествовани быша верою»* (Евр. 11, 37. 38. 39). *«По вере умроша сии вси, не приемише обетований, но издалеца видевшие я, и целовавшие, и исповедававшие, яко страннии и пришельцы суть на земли»* (Евр. 11, 13).

Мир

К немногим из человеков могут быть приложены эти слова Апостола; немногие из них проводили земную жизнь согласно с назначением, данным ей Богом. Падение человека так глубоко повредило его, что он, отвергну жизнь плача на земле, избрал на ней жизнь наслаждений и вещественного преуспеяния, как бы торжествуя и празднуя самое падение свое. К этой

жизни плотского наслаждения и преуспеяния, убивающей жизнь для Бога, уже начали склоняться некоторые из детей Адама, мало внимая повести о рае и о духовном состоянии человека, находя в стране изгнания полную пищу и удовлетворение в скотских и зверских страстях своих. Внуки Адама еще более устремились к развитию вещественной жизни на земле с забвением о вечности. Сюда, наконец, устремилось все его потомство, за исключением немногих избранных мужей, считая сказание о рае баснею, изобретением суеверного воображения. Тщетно смерть пожинала людей с лица земли: они продолжали жить и действовать как бы вечные на ней. Поддержание телесных сил вкушением необходимого количества простой пищи перешло в лакомство и пресыщение изысканными яствами. Утоление жажды перешло к наслаждению различными напитками и к пьянству. Прикрытие наготы кожными ризами преобразилось в украшение себя богатыми одеждами и утварями. С скромные жилища для убежища и ограждения от стихий и зверей, восставших на человека, стали заменяться огромными и великолепными палатами. Явилась роскошь с ее бесчисленными требованиями, которые обращались в неумолимый закон среди общества падших человеков. Законное совокупление полов для размножения рода человеческого изменилось в ненасытное любodeяние, противодействующее размножению человеков. Этого мало: люди, распаленные необузданным пожеланием, вполне лишившимся правильного стремления, изобрели грехи противоестественные. Сила энергии душевной стала побороть ненасытным пожеланиям и требованиям грехолюбивого человека: явились ссоры, обиды, убийства, разбой, грабеж, война, завоевание. Словесная сила человека всецело употреблена для доставления ему выгод и преимуществ земных, употреблена в содействие греху: явились ложь, обманы, лукавство, лицемерие. Таким образом, немедленно по падении человеков начал образовываться на земле, а с течением времен получать большее и большее развитие по самому началу своему враждебный Богу мир.

Мир есть жизнь человеков на земле единственно для земли, единственно с целью удовлетворения своим греховным пожеланиям, с целью плотского наслаждения, с целью вещественного преуспеяния, с целью, вполне противоположною той высокой и всеблагой цели, с которою человек помещен Богом на земле. «Мир есть общее наименование всех страстей. Мир — плотская жизнь и плотское мудрование. Где прекратилось движение и действие страстей, там умер мир». Так богомудрует великий наставник монашества Святой Исаак Сирский⁸⁷. К этому миру ненависть, от этого мира отречение заповедует Дух Святой ученикам своим, когда говорит: *«Не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем. Яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очима и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию пребывает во веки (1 Ин. 2, 15.16.17). Мир весь во зле лежит (1 Ин. 5, 19). Любы мира сего вражда Богу есть: иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает»* (Иак. 4, 4).

Когда же Священное Писание говорит, что *«так возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй во нь не погибнет, но имать живот вечный»* (Ин. 3.16): тогда надо разуметь под словом «мир» всех человеков, не исключая и грешников, как и Апостол Иоанн Богослов говорит: *«О сем явися любы Божия в нас, яко Сына своего Единороднаго посла Бог в мир, да живи будем Им»* (1 Ин. 4, 9).

Опять: и все общество человеческое, в соединении с их греховною жизнью, в соединении с их плотскими наслаждениями, с их вещественным преуспеянием, с их столпотворением, называется «миром». Этот мир враждебен Богу и служителям Его. *«Аще мир вас ненавидит, — говорил Богочеловек ученикам своим, — ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были: мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир»* (Ин. 15, 18, 19). Этот мир пребыл и пребывает чуждым и Богу-Создателю и Богу-Искупителю; гонение и убийство служителей Божиих он признает служением правде (Ин. 16, 2).

Глава и начальник этого мира, враждебного Богу, есть падший ангел; содействуют ему и служат в этой безумной и дерзостной брани прочие падшие ангелы и увлеченные им человеки. Самая земля и ее твари, прежде подчиненные Адаму, по падении Адама, вместе с ним подчинились Сатане. Сам Сатана так засвидетельствовал о власти своей над миром: дерзнув приступить к Сыну Божию для искушения, он возвел Его на высокую гору и, показав все царства вселенной и славу их, сказал: *«Тебе дам власть сию всю и славу их: яко мне предана есть, и емуже аще хочу, дам ю»* (Лк. 4, 6). Сатана называет власть над миром не собственно своею, но преданною себе. Точно: она предана ему. «Враг, прельстивший Адама, — говорит святой Макарий Великий, — и таким образом восприявший над ним владычество, лишил его всей власти и объявлен князем века сего. Сначала же князем века сего и господином всего видимого Бог поставил человека... Когда же он предался вражеской лести, то вместе с сим предал и начальство свое обольстителю. Сея ради вины волхвы и чародеи по действию противныя силы, попушением Божиим, чудная некая являются творити, ядовитыми обладающе зверьми, и во огонь и в воду без вреда входяще»⁸⁸. Священное Писание по этой причине называет падшего ангела миродержцем, князем века сего (Ин. 12, 31; Еф. 2, 2, 6, 11, 12).

Идолопоклонство

Сатана не удовлетворился тем, что он покорил человека и с землею под власть свою, что держал его в плену, возбуждая в нем различные страсти и ими оковывая его, что служением греху привел его в служение себе. Мысль, обаявшая ангела на небе, не оставляла его и в поднебесной, куда, как в преддверие ада, он низвергнут с неба: мысль соделаться равным Богу. Он привел ее в исполнение введением на земле идолопоклонства. Род человеческий, постепенно размножаясь на земле, вместе с тем более и более переходил от удовлетворения нуждам к удовлетворению прихотей и греховных пожеланий. Несовместно с такою жизнью истинное Богопознание и самопознание! Человеки, потонув в земных попечениях и наслаждениях, соделавшись исключительно плотию, потеряли самое понятие о истинном Боге. Но чувство богопочитания есть чувство неотъемлемое от сердца человеческого, как врожденное и естественное ему: оно не уничтожено падением — лишено правильности. Водимые этим бессознательным чувством, человеки воздали божеское поклонение изобретателю и родителю греха — падшему ангелу и сонмищу его демонов. Человек обоготворил убивший его грех во всех его видах, обоготворил представителей греха — демонов. Он признал божественными наслаждениями удовлетворение всем страстям. И блудодеянию, и пьянству, и воровству, и убийству воздана почесть. Каждая страсть изображалась своим истуканом или идолом. Идол был

символом демона, вполне чуждого жизни, вполне мертвого для ощущений духовных. Пред такими идолами совершалось и общественное и частное или домашнее поклонение; пред идолами закалались и приносились жертвы из животных, а нередко и из людей. Смерть духа тем была сильна, что отризалась в жизни отрицательной. Но наружное служение идолам было в сущности служением бесам, как научает нас Божественный Апостол Павел (1 Кор. 10, 20). Идолские храмы и самые идола были любимым жилищем демонов. Из этих жилищ своих они издавали гласы и прорицания для обольщения злосчастного человечества. И сам человек, престав быть храмом Бога живаго, соделался храмом и обиталищем Сатаны (Лк. 11, 24. 25. 26).

Идолопоклонство объяло всех человеков и всю землю. Немногие избранные человеки сохранили истинное Богопознание и Богослужение. Впоследствии Бог избрал и отделил в служение Себе народ Израильский, даровав ему письменный закон. Но недуг идолопоклонства так сильно действовал в падшем человечестве, что и избранный народ, часто оставляя поклонение единому истинному Богу, стремился к поклонению кумирам.

Человек, лишившись падением своим Божественного Света — Святого Духа, должен был довольствоваться своим собственным, скудным светом — разумом. Но этот естественный свет привел весьма немногих человеков к познанию истинного Бога: он устремился наиболее к доставлению всевозможных удобств для земной жизни, изобрел различные науки и искусства, которые точно способствовали и способствуют к умножению и развитию этих вещественных удобств, но вместе способствуют и к сильнейшему развитию греховной жизни, к запечатлению и утверждению падения украшением падения многоразличными призраками благосостояния и торжества. Науки человеческие, будучи плодом падения, удовлетворяя человека, представляя ему Божию благодать и самого Бога ненужными, хуля, отвергая, уничтожая Святого Духа, соделались сильнейшим орудием и средством греха и диавола для поддержания и укрепления падения. Свет человеков соединился со светом демонов и образовал человеческую ученость (премудрость), враждебную Богу, растлевающую человека диаволоподобною гордынею (1 Кор. 3, 17. 18). Объятый недугом учености, мудрец мира сего подчиняет все своему разуму и служит сам для себя кумиром, осуществляя собою предложение сатаны: *«будете яко бози, ведущи доброе и лукавое»*. Ученость, предоставленная самой себе, есть самообольщение, есть бесовский обман, есть знание, преисполненное лжи и поставляющее в ложное отношение ученого и к себе и ко всему (1 Кор. 3, 18). Ученость есть мерзость и безумие пред Богом; она — беснование. Слепоту свою она провозглашает удовлетворительнейшим ведением и видением, и таким образом соделывает слепоту неисцельною, а хранимое ею падение неотъемлемым достоянием злосчастного книжника и фарисея (Ин. 9, 41). *«Мудрование плотское — вража Бога: закону бо Божию не покаряется, ниже бо может. Мудрование плотское — смерть»* (Рим. 8, 7. 6). Святой Дух заповедует отвержение мудрости земной для того, кто хочет приступить к Богу и соделаться причастником духовной мудрости (1 Кор. 3, 18). Апостол Павел замечает, что немногие из ученых приняли веру Христианскую (1 Кор. 1, 26); напротив того, для этих мнимых и напыщенных мудрецов оказалась безумием духовная мудрость, всеобильно и совершенно заключающаяся во Христе (1 Кор. 1, 23). Философы и художники были величайшими поборниками идолопоклонства и врагами истинного Богопознания. По водворении веры Христианской в мире ученость родила бесчисленные

ереси и ими старалась ниспровергнуть Святую Веру. Величайшее злодеяние — убийство Богочеловека — совершено учеными во имя мудрости их и во имя закона их (Ин. 11, 49. 50). В наше время ученость возвращает язычников, принявших Христианство, к язычеству и, отвергая Христианство, вводит снова идолопоклонство и служение сатане, изменив формы для удобнейшего обольщения человечества. Редкий, весьма редкий книжник научается царствию небесному и износит новое учение Духа пред общество собратий своих, облекая это учение в ветхие рубища учености человеческой для того, чтоб оно было удобнее принято любящими более ветхое, нежели новое (Мф. 13, 52, слич. Лк. 5, 39).

Смерть и ад

По падении первого человека и отвержении его Богом, а в нем и всего рода человеческого, все человеки, окончив смертию тела свое земное странствование, нисходили душами в преисподние темницы ада. Ад находится в недрах земли⁸⁹. Там пылает *«огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его»* (Мф. 25, 41), которые, следовательно, падением своим предварили сотворение вещественного мира. Там тьма крошечная, там тартар, там скрежет зубов, там червь неусыпающий, там плач без утешения, непрерывающийся и напрасный. Там разнообразные муки по разнообразию грехов; там различные степени мук соответственно различной степени греховности. Смерть душевная, смерть существенная, поразившая человеческий род в его родоначальниках, выражающая власть свою и над телом земного странника во время его земного странствования недугами и другими бесчисленными страданиями, при окончании земного странствования выражает эту власть самым страшным явлением: разлучением души от тела. По разлучении души от тела власть смерти над человеком получает полное развитие (здесь говорится о временах, предшествовавших Искупителю): тело разрушающееся и смердящее погребается в недрах земных, а душа каждого человека, и нечестивца и ветхозаветного праведника, нисходит во ад. Души нечестивцев низвергались в вечный огонь, как окончательно принадлежащие вечной смерти; души праведников нисходили во ад, в темницы его менее глубокие и страшные, где они пребывали, томясь жизнью во аде и вместе утешаясь надеждою искупления. Все обстоятельства земной жизни доказывают человеку, что он на земле изгнанник за ужасное преступление; но всего более доказывает это смерть. Она не оказывает ни уважения, ни сожаления ни к чему высокому и важному человеческому. Она поражает и юность, и красоту, и гения, и могущество, и богатство. Ничем человек не может отвратить неумолимой смерти, служащей для рода человеческого опытным доказательством его падения, его согрешения пред Богом, его казни. Она свидетельствует пред человеками, что человек — создание и раб, возмущившийся против своего Творца и Господа, что знаменитейшие и важнейшие дела человеков для земли ничего не значат для вечности, что высокое человеческое — *мерзость есть пред Богом* (Лк. 16, 15). Смерть — казнь. Поражая каждого человека, она доказывает, что каждый человек — преступник; поражая всех человеков без исключения, она доказывает, что карается человечество за преступление, общее всему человечеству. Пред одним благочестием благоговееет смерть, и молитва праведника может иногда остановить секиру смерти, и отодвинуть час ее (Ис. 38, 5)⁹⁰.

Преуспевание зла на земле

Когда род человеческий провел многие тысячелетия в жестоком порабощении у падшего ангела, тогда явился на земле обещанный Богом Искупитель. Прежде нежели приступим к описанию этого величайшего и чудеснейшего события, взглянем еще на состояние злосчастливого мира в то время, как Господь низшел на землю и вочеловечился для обновления и спасения человечества. Мир был погружен на всем пространстве его в идолопоклонство. Люди, возненавидев друг друга, завидуя друг другу, полили всю поверхность земли своею кровию в ожесточенных бранях, в которых истребились и исчезли многочисленные народы, пожатые мечом и лишенные народности невольничеством и продажей на рынках вселенной подобно скоту или бездушному товару. Бедствия и гибель человечества признаны величайшею славой для человечества, и обагренные кровию собратий завоеватели объявлялись еще при жизни их богами. Другим злодеям, отличавшимся гнусными пороками, воздана божеская честь по смерти их. Удовлетворение постыднейшим страстям считалось высшим наслаждением. Некоторые из отверженнейших человеков вступили в явное сношение с Сатаною, облекшись в силу его, содействовали укреплению его господства над землею и человечеством⁹¹. Это господство достигло полного развития. Под это господство склонился и избранный народ Израильский. Крайне умалившись числом и упав в гражданском отношении, народ этот подпал под власть народов идолопоклоннических. Внутренняя, существенная сила его, заключавшаяся в общении с Богом посредством познания и исполнения Его воли, истощилась. Жизнь по заповедям Божиим, образующая в человеке чистоту ума и сердца, которую осеняет Божественная Благодать, просвещающая человека истинным духовным разумом и Богословием, заменилась в большинстве школьным изучением Закона, соединенным с небрежением о богоугодном жительстве, которое книжники и фарисеи — так назывались иудейские ученые того времени — старались заменить притворством и лицемерством. Эти омраченные сатанинскою гордостью ученые, исполненные презрения и ненависти ко всем прочим сословиям народа, рабы страстей, не способные к вере по своей неограниченной и иступленной привязанности к земной славе и земным преимуществам, способные по этой привязанности ко всевозможным преступлениям, совершители этих преступлений, захватили во власть свою вероучение, отвергли из него заповеди Божии, ввели в него свои нелепые предания, сами стремясь в слепоте своей к гибели, влекли к ней и руководимый ими народ⁹². Немногие, весьма немногие человеки остались верными Богу самую жизнь свою и от такой жизни зависящим и воссиявающим истинным Богопознанием. Святые имена их — в Святом Евангелии⁹³.

Теперь переходим к отраднейшему зрелищу. Приготовим, предпочистим себя слезами покаяния и, отвлекши ум и сердце от всех земных попечений, присоединимся к сонмам Святых Ангелов, чтоб предаться вместе с ними священному созерцанию вочеловечения Бога-Слова, чтоб вместе с ними в священном удивлении и радости воспеть: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение»* (Лк. 2, 14).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, например, вещество, из которого составлена земля, доступно для наших чувств. Но кора земли исследована только на самую незначительную глубину: дальнейшее исследование превышает средства человеческие, и доступное само по себе делается недоступным по невозможности исследования.

² Кол. 2, 8. Преподобный Макарий Великий, беседа 49, 4.

³ Мф. 12, 43. Лк. 11, 24. Смотр. объяснение этих слов Евангелия блаженным Феофилактом Болгарским, также в Слове о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу. Аскет. оп. Т. II, изд. 1865 г.

⁴ Преподобный Марк Подвижник. О законе духовном, гл. 27.

⁵ Гл. 224. О мнящихся от дел оправдаться.

⁶ Sanct. Chryssi, pag. 667. Sermo de Anna. Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 4, с. 820.

⁷ S. Chr. Tom I, pag. 915, contra iudeoi sermo VI. Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. I, с. 718.

⁸ S. Chrysost. Tom XI, pag. 14. Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. II, с. 50.

⁹ Очевидно, что это участие может быть лишь сердечным: и такого участия достаточно для отъятия у сердца сосредоточенной, неразвлеченной молитвы. Чтоб стяжать неразвлеченную молитву, должно верою возложить все попечения свои на Бога.

¹⁰ Слово 68-е.

¹¹ Слово 8-е.

¹² Упокоевается Бог человеком тогда, когда человек пребывает в преданности и покорности воле Божией, или, что то же, в учении Евангелия.

¹³ Память Божия или Поучение состоят в непрестанной молитве. Смотр. о сем во 2-й части Аскетических ответов.

¹⁴ Слово 89-е.

¹⁵ Присовокупление этого слова служит намеком, что многие, чуждые благодати, приписывают ее себе, а другие признают благодать вкравшуюся в них бесовскую прелесть.

¹⁶ Слово 21-е. Святой Исаак согласно с прочими Отцами (Слово 1, Слово 84) научает, что Христос насаждается в сердца наши таинством святого крещения, как семя в землю. Дар этот сам собою совершен; но мы его или развиваем или заглушаем, судя по тому, какое проводим жительство. По этой причине дар сияет во всем изяществе своем только в тех, которые возделали себя Евангельскими заповедями и по мере этого возделания. См. Преподобного Марка Подвижника Слово о крещении, Ксанфопулов главы 4, 5 и 6; также Слово о трех отношениях естества человеческого к добру и злу. Аскетические опыты, ч. 2.

¹⁷ Беседа XVIII, гл. 6.

¹⁸ Беседа XVI, гл. 7.

¹⁹ Беседа VI, гл. 5.

²⁰ Беседа XXVII, гл. 19.

²¹ То есть, правдами плотского мудрования или ветхого человека, отверженными Богом. Богу благоугодна одна Евангельская правда.

²² Беседа IV, гл. 6.

²³ Беседа XXVIII, гл. 2.

²⁴ Пет. 3, 10: «Придет день Господень яко тать в нощи, в онъ же небеса убо с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят».

²⁵ Мироздание описано в 1 и 2 главах книги Бытия.

²⁶ Действие чувств в святых мужах, обновленных Святым Духом, гораздо обширнее, нежели у людей, пребывающих в области падения. Даже некоторые механические средства, каковы зрительные трубы, телескоп, микроскоп и другие, распространяют действие чувств и содействуют видимым то, что в обыкновенном состоянии нашем невидимо.

²⁷ Мысли сей статьи заимствованы из Записок на книгу Бытия Преосвященного митрополита Московского Филарета.

²⁸ Слово 5-е, глава 6.

²⁹ Точное изложение Православной веры, книга 2-я, глава 12, о человеке.

³⁰ Беседа 49, глава 4.

³¹ Книга вторая, глава 12, о человеке.

³² По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского.

³³ Так именуется первый человек. Впрочем, на еврейском языке, которому принадлежит это слово, оно — нарицательное имя, и «Адам» значит «Человек» вообще.

³⁴ Беседа 12, гл. 8.

³⁵ Беседа 12, гл. 6 и 8.

³⁶ Св. Исаак Сирский и другие св. отцы называют состояние человека по падении *чрезъестественным*. Это слово с точностью выражает сущность дела. Слово 4. По переводу Паисия Нямецкого.

³⁷ Слово 4-е, глава 3.

³⁸ Точное изложение Православной веры, книга 3, глава 1.

³⁹ Там же, книга 2, глава 12.

⁴⁰ «Душа наша проста некако сущи и блага, тако от благого Владыки своего создавися», и проч. Преподобного Исихия Слово, глава 43. Добротолюбие. ч. 2.

⁴¹ и ⁴² Точное изложение Православной веры, пр. Иоанна Дамаскина.

⁴³ Слово 5-е, гл. 6.

⁴⁴ Беседа VII, гл. 7.

⁴⁵ Collatio VII, caput XIII.

⁴⁶ См. Слово о смерти.

⁴⁷ Не лишним будет упомянуть здесь, что люди, лишившиеся рук и ног, вполне ощущают присутствие этих членов при теле и способность действовать ими. Такое практическое познание дает ясный намек о существе души, согласно тому, как изображают его святые Отцы.

⁴⁸ Беседа XVI, гл. 8.

⁴⁹ Ангелы, которых существо однородно с существом души человеческой, являлись Святым Божиим облаченные в белые или светлые одежды (Мф. 28, 3; Лк. 24, 4, Ин. 20, 12, Деян. 1, 10). Святой Андрей, Христа ради юродивый, будучи восхищен в рай, видел себя в одежде, сотканной из молний. И проч.

⁵⁰ В московском издании бесед преподобного Макария Великого 1820 года к 9-й главе IV беседы приложено примечание, в котором сказано, что некоторые из древних церковных учителей, как-то Ориген, Тертуллиан, пр. Кассиан, пр. Макарий Египетский приписывали ангелам и душам тончайшие тела, что Иоанн Дамаскин в своем Изложении Православной веры (кн. 2, гл. 3), толкуя сие их мнение, говорит, что они называли их телесными по отношению только к Богу, что прочие учителя Церкви, как-то Игнатий, Василий Великий, Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст полагали их «бестелесными и существами простыми». Мы сочли нужным дополнить это примечание нижеследующим: святой Иоанн Дамаскин, как в третьей главе 2-й книги, так и во всем Изложении Православной Веры, не сделал ни одной ссылки ни на сочинения святого Макария Великого, ни на сочинения преподобного Кассиана Римлянина, а ссылается он наиболее на святого Григория Богослова, потом на святых: Дионисия Ареопагита, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Нисского и других. Отнюдь не в виде толкования, а как прямое предание Православной Церкви, излагает Дамаскин учение о ангелах в упомянутых книге и главе. «Бестелесным и невещественным, — говорит он, — называется ангел по сравнению с нами. Ибо все в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество, в строгом (точном) смысле, невещественно и бестелесно». Где тут толкование мнения преподобных Макария и Кассиана? Очевидна тут цель святого писателя: она состоит в том, чтобы охранить читателя от пагубной мысли признать ангелов и души духами наравне с Духом-Богом, от пагубной мысли поставить в один разряд существ Творца и Его тварей. Если угодно видеть тут толкование, то тут — толкование того, в каком смысле Святые Григорий Назианзин, Василий Великий и другие называли ангелов и души бестелесными и невещественными по современным понятиям, не сделав такой ясной оговорки, какую сделал Дамаскин, но всегда вполне отличая существо Творца от существа тварей, что явствует из всех писаний их. Понятия древних о духе и веществе, о началах, о простом и сложном, понятия, которых держалось человечество до новейших времен, изменились в конце прошедшего и начале настоящего столетий с явлением новой науки — Химии. Человечество признавало прежде, руководствуясь поверхностным взглядом, четыре вещественные начала (стихии): землю, воду, воздух и огонь. Из этих начал воздух и огонь назывались невещественными, и воздух часто назывался духом: потому что веществом или материею называлось одно грубое вещество. Химия изменила эти понятия. Вода и воздух, будучи разложены на свои составные части, низошли с степени начал на степень веществ сложных; понятие, что земля есть начало, как вполне неопределительное и очевидно нелепое, отвергнуто; пламя, которое собственно называли огнем, признано явлением при отделении от некоторых веществ теплорода, который отделяется от других веществ и без пламени. Понятие о веществе расширилось и сделалось правильнее. Все газы, все пары, теплород и свет сознательно признаны материею. Химия в соединении с Математикой неоспоримо доказали, что собственно начал, существ и веществ простых, бестелесных не существует между тварями. Все твари более или менее вещественны, более или менее сложны. Ни одна тварь не имеет ни одного бесконечного свойства; все свойства тварей конечны, т. е. ограничены. Основываясь на этой аксиоме, мы утверждаем, что сотворенные духи ограничиваются местом, и потому непременно имеют вид (форму), имеют свою степень тонкости, а отнюдь не бесконечно тонки, а потому и свою степень невещественности. Дух — один Бог, как имеющий бесконечную тонкость, как превысивший всякого пространства. Бог бесконечно тоньше всех тончайших сотворенных существ, и потому существом Своим бесконечно различается от существа тончайшей тварей: ибо между бесконечным и самовеличайшим числом разница — бесконечна; таков неопровержимый вывод Математики. По этой причине начало в точном смысле и простое существо — вина всех прочих существ, видимых и невидимых —

един Бог. — Очевидно, что святой Григорий Богослов, Василий Великий и другие говорили о веществе и духах сообразно современным им понятиям; благодать Святого Духа доставляла им правильное понятие о Боге. Движимый этою благодатию, Святой Иоанн Дамаскин изрек непреложную истину, что «в сравнении с Богом, единым несравненным, все оказывается грубым и вещественным». Он изрек это за десять столетий до того времени, как человечество пришло к этому познанию путем науки, говорим дерзновенно — по Промыслу Божию, для удобнейшего Богопознания. Составитель вышеупомянутого примечания тщетно старается найти разноречие в чтении святых Отцов: мы находим в них одно и то же учение, выраженное у одних яснее, у других не так очевидно. Странное явление! Столько было Вселенских и Поместных Соборов, столько Святых Писателей упоминают о Макарии Великом и преподобном Кассиане, и никто не подал голоса против их учения об ограниченности сотворенных духов; внезапно раздастся обвинительный голос в 1820 году с нареканием на духоносных мужей в разноречии, усиливающийся сотворенных духов представить тождественными с Богом. Что бы значило такое явление? Не можем объяснить его ничем иным, как только влиянием папистов, которые, между прочими чудовищными учениями своими поставляют в одну категорию существ и Творца Духа и тварей-духов, богохульно выставляя зараженными философиею Платона святых Отцов, признанных Вселенскою Церковью сосудами Святого Духа, свидетельствующих о себе, что познание о душе им открыты Святым Духом. См. прим. 8 и 9 к слову о Смерти.

⁵¹ Добротолюбие, ч. 2. Преподобного Исихия, гл. 1, Преподобного Филофея Синайского, гл. 16. Это учение встречается у весьма многих святых Отцов. В некоторых русских переводах сила твердости названа раздражительностию; но раздражительность, как и ожесточение, и малодушие суть болезненные состояния этой силы, или характера.

⁵² Иеросхимонах Серафим Саровский.

⁵³ Молитва архиеерея во время Херувимской песни.

⁵⁴ Очевидно, что при атмосферических наблюдениях человек-наблюдатель служит центром наблюдений, а центр наблюдений всего человечества — земля. Область наблюдений всего человечества имеет вид шара. Пространства, чем ближе к центру, тем более стесняются и уменьшаются, а чем более удаляются от него, тем более расширяются и увеличиваются.

⁵⁵ Точное изложение Православной веры, кн. IV, гл. XII.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Четьи Миней 24 мая.

⁵⁸ Определение места на земле для земного рая поставяет защитников этого мнения в такое затруднение, что они принуждены прибегать к другой ложной мысли, именно, что земной рай уничтожен всемирным потопом. *Distionnaire Theologique par Bergier, Paradis.*

⁵⁹ Изложение Православной Веры, кн. II, гл. VI.

⁶⁰ Четьи Миней 2 октября.

⁶¹ Сочинения пр. Григория Синайского по рукописи Молдавского Нямецкаго монастыря. См. прим. 12 к Слову о смерти.

⁶² Толкование на 23 главу, 43 стих Евангелия от Луки.

⁶³ Рукопись Нямецкаго монастыря, гл. 10.

⁶⁴ *Vita Sanctorum Barlaam Eremitae et Iosaphat Indiae Regis caput XXX. Patrologia tomus LXXIII.*

⁶⁵ Пролог, декабря 7-го дня.

⁶⁶ Пролог, сентября 11-го дня, и Отечник буква Е.

⁶⁷ Четьи Миней 6 февраля.

⁶⁸ По этой причине Святой Архангел Гавриил изображается с пальмовою ветвию в руке.

⁶⁹ Четьи Миней 15 августа.

⁷⁰ В приведенных здесь повестях мы видим, что райские произрастения, перенесенныя на землю, переходили, по мановению Божию, из тонкого состояния в состояние более грубое, чтоб сделаться способными к действию на наши чувства. При скудных понятиях, которые мы имеем о веществе горного мира, с достоверностию, однако ж, утверждаем, что вещество этого мира свободы, нетления и блаженства должно управляться другими законами, нежели какими управляется вещество мира дольного, служащего темницею и изгнанием для преступников Заповеди Божией. Доказательства этому видим в проявлениях из горного мира в нашу юдоль плача. Так, тело Богочеловека, по воскресении Его уже принадлежавшее горному миру, соделывалось и видимым и невидимым по воле Богочеловека, то являлось с плотию и костями, было осязаемо, принимало пищу, то проходило сквозь твердейшие земные вещества, как дух. Тела величайших святых уподобились еще в сей жизни телу Господа, а по воскресении и по всему будут подобны Ему (1 Ин. 3, 2 — 1 Кор. 15, 39—46). Вещество горного мира должно быть сообразно тому веществу, в которое облечены его жители, как и вещество дольного мира находится в соотношении с веществом своих жителей. Впрочем, и в дольном мире многие тела, не изменяясь в естественных свойствах своих, то есть, не разлагаясь химически на свои составные части, могут быть в виде более тонком и более грубом. Например, вода, сера, все металлы могут быть и в твердом виде, и в жидком, и в виде паров. Углерод мы имеем и в виде газа,

и в виде камня (алмаза). Новейшие гигантские открытия в стране вещества приводят к уверенности, что человеческие познания о веществе вполне ничтожны. При этой уверенности с доверчивостью выслушивается сказание Писания и Отцов о природе Рая.

⁷¹ Добротолюбие, ч. IV, Каллиста Катафигиота 3, 5, 6-я главы. Преподобный Феолит Филадельфийский говорит в своем Слове о сокровенном делании: «Память Бога видение Бога есть, влекущего зрение и желание ума к Себе, и светом от Себя озаряющего оный. Обращаясь бо ум к Богу, внемла престаивати всем видотворным мыслем, зрит безвидне, и превосходящим невещным непреступным ради оныя славы, воззрение свое просвещает. И не познавая за непостижимость видимаго, познавает истины ради свойственне сушаго, и единого могущаго превыше быти; и богатством источающиеся отонуду благодати питая свое рачение, и свое быстротные известуя, сподобляется непрестанного и блаженного покоя». Также см. 15 и 16-е Слово Преподобного Исаака Сирского.

⁷² Преподобного Кассиана Римлянина Collatio VIII, capituli IX—XI.

⁷³ Достопамятные сказания. О авве Иосифе Панефосском, гл. 3.

⁷⁴ Св. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, послание к Ксении монахине.

⁷⁵ Толкование Евангелия от Луки, гл. 20.

⁷⁶ и ⁷⁷ Преподобного аввы Дорофея поучение 1-е.

⁷⁸ Cassiani Collatio VIII, caput X.

⁷⁹ Cassiani. De institutis renuntiantium, caput XXXVII.

⁸⁰ Святой Макарий Великий говорит, что в совершенных христианах Господь есть как бы душою их. Слово 6-е, гл. 12.

⁸¹ Последование панихиды. — *Ред.*

⁸² Беседа II, гл. 1. 2. 4.

⁸³ Поучение первое.

⁸⁴ Святаго Исихия Слово о трезвении, гл. 46. Добротолюбие, ч. II-я.

⁸⁵ Преподобного Макария Великого. Слово VII, гл. 31.

⁸⁶ Акафист Божией Матери, стихиры на Господи воззвах.

⁸⁷ Слово 2-е.

⁸⁸ Слово 4-е, гл. 3.

⁸⁹ Слово о смерти.

⁹⁰ Смотри житие Василия Великого, скончавшегося в противность предсказанию врача, который столько был убежден в верности своего предсказания, что неисполнение его приписал положительно силе Христа, уверовал в Него и принял святое крещение. Прежде этого никакие убеждения мудрого и святого Василия не могли сломить врача-еврея к принятию христианства. Четый Миней 1 января.

⁹¹ Исхода глава 7 и далее. Деян. гл. 8, 9 и проч.

⁹² Описание книжников и фарисеев заимствовано из собственных слов Господа нашего Иисуса Христа и из поведений Евангелия. Господь произнес на них грозное определение Свое, назвав их родом лукавым и прелюбодейным (Мф. 12, 39), лицемерами, выкрашенными гробами, по наружности красивыми, внутри же исполненными лицемерия и беззакония, как и гробы внутри полны мертвых костей и всякой нечистоты (Мф. 23, 13. 23. 27. 28. 29). Он признал их чадами диавола, и диавола отцом их (Ин. 8, 44). Он признал их слепцами, ослепленными своим ложным знанием, руководящими других слепцов, слепцов по невежеству своему; Он объявил, что и слепцы руководители и слепцы руководимые влекутся в бездну погибели (Мф. 15, 14). Он признал недуг их неисцельным: потому что они признавали слепоту свою удовлетворительнейшим видением и ведением (Ин. 9, 41). Он заповедал ученикам своим охраняться от кваса фарисейского (закваски), т. е. от учения их, вполне основанного на лицемерстве, вполне проникнутого лежью и лицемерством, имеющего началом отца лжи (Мф. 16, 6. 12; Лк. 12, 1; Ин. 8, 44). Господь обличил фарисеев в том, что они, притворно совершая пред глазами людей продолжительные молитвы, снедали дома вдовиц и совершали и готовы были совершить ужаснейшие беззакония и преступления (Мф. 23, 14. 34; Ин. 8, 40). Сребролюбие было недугом фарисеев (Лк. 16, 14). Искание славы человеческой было недугом фарисеев (Ин. 5, 44). Они были не способны к вере по причине своего пристрастия к земным преимуществам (Ин. 5, 44; Лк. 16, 13. 14). Они присвоили себе ключ разумения и затворили царство небесное для человек: сами не входили в него и не допусkali других войти в него (Лк. 11, 52; Мф. 23, 13). Страшная гордость их слышится, как глас самого сатаны, в беседе их с исцелившим слепорожденным (Ин. 9). О единоплеменном им народе, не имевшем их учености, они выразились так: «Народ сей, иже не весть закона, прокляти суть» (Ин. 7, 49).

⁹³ Таковы были праведные Захария и Елизавета, родители Святого Иоанна Предтечи, святой Симеон Богопримец, святая Анна Пророчица, дочь Фануила (Лк. гл. 1 и гл. 2).